

Луи Менар*
19.10.1822 - 9.02.1901

ФЕВРАЛЬ—ИЮНЬ

Приведено по:

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

Москва—Ленинград: ACADEMIA. 1934. С.163-238.

В примечаниях также: **воззвание Л.-О.Бланки о красном знамени и опровержение против обвинения Ташеро.**

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru/) и [Век Просвещения](http://vek-prosvещения.ru/), 2010. Порядок комментариев Е.Смирнова изменен по сравнению с оригиналом. Дореформенная орфография сохранена. Дополнительные ссылки добавлены нами. Другие фрагменты сборника можно скачать в библиотеке или сообществе [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru/): <http://diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

1

Правительство, которому доверены были судьбы революции, состояло из трех разнородных элементов. Все бывшие депутаты, входившие в его состав, за исключением Ледрю-Роллена, представляли буржуазию. Они составляли большинство. Одни мечтали еще о регентстве, другие принимали или покорно терпели революцию, с тем чтобы мешать ее дальнейшему развитию. Эта партия, к которой присоединился бывший главный редактор «National», Арман Марраст, стала партией реакции. Демократическая партия была представлена Ледрю-Ролленом и Флоконом, редактором «Reforme». Не представляя себе еще важности только что совершившейся революции, эта партия поняла, что для того, чтобы дать ей определенный смысл, необходимо возобновить традиции и снова поставить задачи 93 года, кануна 9 термидора^{***}. Вне городской ратуши эта партия имела своими помощниками двух баррикадных

* Луи Менар, соученик Бодлера в лицее Луи ле Гран, выпускник Эколь Нормаль, в своей долгой жизни пробовал себя как поэт, писатель, литературовед-эллинист, химик, художник, философ. Наиболее успешными были его беллетристические и философские опыты. По-видимому, его демократические убеждения и симпатии были очень стойкими: спустя четверть века после революции 1848 года, в 1871 году, будучи в Лондоне, он открыто и энергично защищает парижских коммунаров. Публикуемый Е.Смирновым текст взят, по-видимому, из «*Prologue d'une révolution, février-juin 1848*» (Paris, Au Bureau du Peuple. 1849) - ред. *Vive Liberta*.

^{***} «9 термидора». В этот день (27 июля 1794 г.) коалиция, противников Робеспьера свергла его в Конвенте. После этого наступила термидоранская реакция. См.: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p45934255.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

вождей, Коссидьера и Сорие, назначенных народом в префектуру полиции. Наконец, Луи Блан и Альбер составляли социалистический момент временного правительства. По их мнению, Февральская революция была лишь прелюдией полного преобразования общества, преобразования, которое должно было открыться отменой последней формы рабства — пролетариата.

Демократическая партия занимала два главных во время революции поста — министерство внутренних дел и префектуру полиции. Буржуазная партия пыталась отбить эту последнюю позицию, передав ее в ведение парижской мэрии, которая была для этой цели восстановлена и вручена Гарнье-Пажесу. Оба делегата народа ни в малейшей мере не считались с этим домогательством и своей энергией отбили все направленные против них вылазки

Спустя несколько дней они расстались по обоюдному согласию, чтобы расширить поле своей деятельности: Собрание организовало своего рода тайную полицию, главной целью которой была демократическая пропаганда; Коссидьер, за которым, в конце концов, признали звание префекта полиции, один сохранил в своих руках эту ответственную позицию и, разрешил самую трудную проблему революционной политики — сохранил порядок, не нанося никакого ущерба свободе. В этом деле ему помогали с неумолимым самоотречением и усердием баррикадные бойцы и в особенности монтаньяры и другие члены тайных обществ, которых он пытался организовать в виде революционной гвардии. Люди в отрепьях стояли на часах вокруг домов богачей и всюду охраняли личную безопасность и собственность. Никогда еще не было так ничтожно число преступлений и правонарушений, как при этой народной полиции, блага которой распространялись и на все пригороды. Банды преступников, пытавшихся организовать грабежи в окрестностях Парижа и уходивших от всякого преследования национальной гвардии, были уничтожены кучкой монтаньяров.

Однако этого героического спокойствия народа недостаточно было, чтобы внушить уверенность временному правительству. Оно возложило охрану безопасности в Париже не только на национальную гвардию, но и на армию. Ламартин организовал 24 батальона мобильной гвардии. Их набрали почти исключительно из ребят от пятнадцати до двадцати лет, которыми, в виду их возраста, можно было руководить согласно с планами власти и которых жалованье в 1 франк 50 сантимов в день привязало прочно к правительству. Офицеры для них были частью взяты из армии, частью назначены по выборам, и, таким образом, весь командный состав находился в руках молодых людей из богатых буржуазных семей или в руках военных, приносивших в новые кадры реакционный дух армии. Таким образом, у народного дела отнято было 24000 человек. Когда народ видел марширующей эту молодую гвардию, в рядах которой он узнавал

многих борцов баррикад, он приветствовал ее сердечными возгласами. Бедный народ!

Между тем те, против кого предпринималось столько предосторожностей, на следующий же день после их победы, обнаруживали великодушные проявления прощения, жалости и забвения. Народ покрыл всех своих врагов всеобщей амнистией. Несколько редких хвалебных слов, брошенных февральским бойцам, были потоплены в потоке воззваний к национальной гвардии, Политехнической школе и даже армии. Линейный полк, некоторые роты которого сдали оружие народу, был объявлен первым полком республики.

Народ согласился разделить даже со своими врагами честь победы: он не хотел, чтобы были победители и побежденные. Победителям не выдавали никаких орденов из опасения унижить армию. Народ желал сохранить одно лишь знамя совершенной им революции, своего старого друга – красное знамя, которым он с 1830 года увенчивал все баррикады****. Но и на этот раз Ламартин противопоставил свои звонкие фразы стремлению освятить славные воспоминания. Он напомнил, что трехцветное знамя обошло всю Европу, неся за собой наши свободы и нашу славу, между тем как красное знамя обошло лишь Марсово поле, запачканное кровью, когда Байи и Лафайет избивали безоружный народ.

Увы!– трехцветное знамя, загрязненное пятнадцатью годами деспотизма, при империи, восемнадцатью годами позора при июльской династии, не было уже знаменем 93 года; оно тоже было запятнано народной кровью во время избиений в Лионе, на, улице Транснонен, в монастыре Сен-Мерри*****.

**** Воззвание Бланки по поводу красного знамени:

«Временному правительству.

Республиканские бойцы с глубоким огорчением прочли прокламацию временного правительства о восстановлении трехцветного знамени и галльского петуха.

Трехцветное знамя, установленное Людовиком XVI, было продавлено Первой республикой и Империей. Оно было обесчещено Луп-Филиппом.

К тому же время Первой республики и Империи миновало.

Народ увенчал красным знаменем баррикады 1848 года. Пусть никто не пытается его обесславить.

Оно красно лишь от благородной крови, пролитой народом и тональной гвардией.

Оно, лучезарное, развевается над Парижем, и оно должно быть сохранено.

Победивший народ не спустит своего знамени!»

(«Murailles revolutionnaires»).

***** Имеются в виду расправы с повстанцами в Лионе в 1831 и 1834 гг., в Париже во время восстания 1834 г., где маршал Бюжо и Тьер особенно зверски истребляли восставших на улице Транснонен и других прилегающих небольших улочках, и в 1832 г. (5 и 6 июня), когда похороны видного оратора оппозиции генерала Ламарка были использованы для демонстрации против все наглевшей

Народ хорошо знал, – и Ламартин вместе с ним, – что новому обществу нужно новое знамя. Вопрос был разрешен жалким компромиссом. Сохранили трехцветное знамя, но изменили порядок цветов, а затем, спустя несколько дней, восстановили его в том виде, какой оно имело до революции.

Воспоминания о 93 годе, на которые ссылались в пользу трехцветного знамени, старались, повидимому, заставить забыть: так, запретили фригийскую шапку, славный и священный символ, который, конечно, тоже представлял наши свободы и нашу славу. К счастью, сохранили девиз: свобода, равенство, братство. Его начертали на всех общественных зданиях, даже на тюрьмах, правда, в это время все тюрьмы пустовали. Четыре месяца спустя их набили февральскими победителями, и, по горькой насмешке, начертанный на них девиз был сохранен. Борясь с воспоминаниями 93 года, правительство, быть может, руководилось мыслью, которая, если бы она была менее агрессивна, могла бы облегчить установление республики. Правительство хотело сделать приемлемой для буржуазии революцию, совершенную народом. Конечно, противодействие привилегированных не могло бы помешать в этот момент установлению демократии, но оно сделало бы его более трудным. То, что пользовались многолетними несправедливостями монархии, могли опасаться, что у них потребуют отчета в их преступных действиях. Милость народа рассеяла эти опасения и дала возможность временному правительству осуществить мечту Робеспьера – отмену политического эшафота.

Вот как была формулирована эта великая мысль народной амнистии:

«Временное правительство, убежденное, что величие души является высшей политикой и что всякая революция, произведенная французским народом, обязана дать миру освещение новой философской истины; принимая во внимание, что нет более величественного принципа, чем неприкосновенность человеческой жизни; принимая во внимание, что в памятные дни, ныне нами переживаемые, временное правительство с гордостью констатировало, что ни одного крика мести или требования смерти не раздалось из уст народа, – заявляет, что по его мысли смертная казнь отменяется по политическим делам и что оно представит это пожелание на утверждение Национального собрания. Временное правительство тайно твердо убеждено в провозглашаемой им от имени французского народа истине, что если бы преступные люди, только что проливающие

реакции, демонстрации, превратившейся, благодаря провокациям правительства, в вооруженное восстание. – прим. Е.Смирнова.

французскую кровь, находились в руках народа, последний считал бы более примерным наказанием принизить их, чем казнить».

Для вида назначили следствие о преступлениях низложенных министров и опубликовали постановление о предании их суду, когда уже вполне уверены были в их бегстве, которому ничем не пытались воспрепятствовать. Эта милость народа обеспечила безнаказанность всем, кто принимал участие в преступлениях и жульничестве монархии.

Через четыре месяца февральские побежденные утвердили эту амнистию убийством трех тысяч пленников.

2

Монархия имела своей главной опорой коалицию интересов своих бесчисленных чиновников Народное сознание требовало полной реформы администрации; особенно необходимо было уничтожить гнусное злоупотребление совместительством и синекурами и снять с их мест тех, которые получили их благодаря фаворитизму и продажности. В действительности удовлетворялись несколькими неизбежными смещениями. Но в то же время некоторые члены временного правительства раздавали лучшие места своим друзьям.

Городская ратуша и министерства всегда набиты были просителями. Наиболее безжалостные слуги монархии наполняли столбцы «Moniteur» скандалом своих присоединений к республике. Между тем политические заключенные, недавно выпущенные народом на свободу, держались в стороне от этого жадного устремления к местам. Вместо того, чтобы окружить себя этими энергичными людьми, которые в уплату за свое долгое мученичество о радостью приняли бы право отдать себя делу организации республики, правительство оставляло их в тени и в забвении. Лишь некоторые из них получили управление замками и парками и другие синекуры, которые давались им о целью лишить их всякого влияния.

Между тем народ стал задумываться о том, что же даст ему совершенная им революция. Необходимо было провести много реформ, и некоторые отдельные граждане выступили со своими программами. Так на стенах Парижа можно было видеть следующую афишу за подписью Собрание:

«Программа французского народа

Солидарность народов! Будем любить друг друга как братья!

1. Право на труд. Обязательство для государственной власти - доставлять работу и, в случае надобности, необходимый для существования минимум всем членам общества, которых частная промышленность не может занять.

2. Инвалиды промышленности.

3. Уничтожение на вечные времена деспотизма путем преобразования армии в промышленные полки, способные

одновременно и защищать территорию, и выполнять большие общественные работы Республики.

4. Общественное воспитание, равное, безвозмездное, обязательное для всех.

5. Сберегательные кассы, представляющие мертвый капитал, будут оплодотворяться трудом: народ, который производит все богатства, достаточно богат, чтобы быть своим собственным банкиром.

6. Реформа судебных учреждений; присяжные заседатели повсюду.

7. Неограниченная свобода всех средств сообщения мысли.

8. Прогрессивный налог.

9. Пропорциональный налог на все силы, употребляемые в промышленности.

10. Гарантия лояльного распределения прибылей между капиталом и трудом.

11. Налог на роскошь.

12. Всеобщее избирательное право.

13. Национальное собрание.

14. Ежегодные выборы всех всеми.

Сохраним свое оружие!»

Правительство на следующий же день после революции взяло на себя обязательство, которое необходимо было выполнить. Когда оно еще находилось под давлением народа, оно издало следующий декрет, первые строки которого указывали цель и смысл революции:

«Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить существование рабочих путем предоставления им работы; оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; оно признает, что рабочие должны объединяться между собою, чтобы пользоваться законными выгодами своей работы. Временное правительство возвращает рабочим, которым он принадлежит, миллион, освобождающийся с уничтожением бывшего гражданского листа».

Это воззвание было написано под диктовку рабочего Марша. Это можно видеть без труда уже из энергичного демократического тона, в котором оно составлено.

Оно принято было с энтузиазмом. Рабочие снова проникались доверием, получив такое обещание.

Но прошло несколько дней, и ничто не свидетельствовало о том, что принимаются меры к его осуществлению. Камни с мостовых снова поставлены были на свои места, патрули национальной гвардии проходили по улицам, и слуги монархии стали толпиться вокруг новой власти. Но никто еще не заботился о положении безработных пролетариев, если не считать предложения вернуться в их мастерские, точно от них зависело приказать их открыть. Народ

решил, наконец, напомнить о себе правительству, которое, повидимому, забыло о нем.

Около двадцати тысяч рабочих явились к городской ратуше со знаменами и с требованием организации труда и создания специального министерства для рабочих. Правительство пришло в ужас. Оно было в нерешительности. Луи Блану, влияние которого на рабочих было всем известно, было предложено обратиться к собравшимся с речью. Он убеждал народ иметь доверие к временному правительству и показать пример спокойствия и умеренности.

Народ ушел, но Луи Блан счел необходимым энергично поддержать на заседании правительства предложение о создании министерства труда. Он встретил жестокую оппозицию; один лишь Альбер, как говорят, присоединился к его мнению. Луи Блан хотел подать в отставку, — это значило подорвать популярность и, быть может, существование временного правительства, не решавшегося принять бой^{*****}. В конце концов остановились на создании специальной постоянной комиссии, о поручением заняться изысканием средств к улучшению положения рабочих. Луи Блан был назначен ее председателем, а Альбер — товарищем председателя. Помещением для этой комиссии, которая должна была состоять из делегатов различных корпораций, был назначен Люксембургский дворец.

Удалив таким образом из своего собственного помещения двух своих товарищей, социалистические воззрения которых их стесняли, реакционные члены временного правительства возложили на них вое бремя разрешения величайшей проблемы без специального бюджета, без всякой возможности действовать, с ужасающей ответственностью в случае неудачи. Чтобы еще больше обеспечить неизбежность такого исхода, правительство поспешило, по предложению министра общественных работ, Мари, открыть национальные мастерские, в

которые решено было нанять огромное число рабочих и которым постановлено было придать направление глубоко враждебное принципам Люксембургской комиссии. Между тем эта комиссия с первых же дней своего существования оказала громадные услуги. Луи Блан разделял с Коссидьером честь поддержания мира в Париже в течение первых двух месяцев революции. Каждый день возникали споры между работодателями и рабочими. Последние грозили объявить забастовку. Но хозяева и рабочие приходили к Луи Блану, излагали ему свои жалобы, и он всегда улаживал между ними соглашение. Так он помешал тому, чтобы Париж внезапно лишился хлеба, вследствие возникшего спора между булочниками и их рабочими, отказывавшимися продолжать работу.

Первым делом Люксембургской комиссии было проведение через временное правительство следующего декрета, содержание которого было установлено по соглашению между делегатами хозяев и рабочих.

«По докладу правительственной комиссии по делам рабочих, Принимая во внимание: во-первых, что слишком продолжительный физический труд не только разрушает здоровье рабочего, но, мешая ему развиваться духовно, приносит ущерб достоинству человека; во-вторых, что эксплуатация рабочих рабочими, берущими на себя выполнение части работ, так называемыми подрядчиками (маршандаж) или сдельщиками, глубоко несправедлива, гнетуща и противна принципу братства,—

Временное правительство республики декретирует: Рабочий день сокращается на один час. Вследствие этого в Париже, где он до сих пор длился одиннадцать часов, он сокращается до десяти, а в провинции, где он до сих пор длился двенадцать часов, он сокращается до одиннадцати. Эксплоатация рабочих подрядчиками и сдельщиками воспрещается.

Само собой разумеется, что ассоциации рабочих, не имеющие целью эксплуатацию одних рабочих другими рабочими, не приравниваются к подрядчикам».

Этот декрет, отмененный впоследствии Национальным собранием, был благодеянием и для хозяев, и для рабочих: он отменял подряды, являвшиеся по существу налогом как на хозяев, так и на рабочих, и, сократив рабочий день, увеличивал число занятых рабочих. Несколько дней спустя Люксембургская комиссия учредила во всех мэриях бесплатные справочные бюро, где сосредоточивались предложение и спрос труда. Мастерские стали вновь открываться, и доверие постепенно восстанавливалось. Народ, доверяя добрым намерениям и знанию Люксембургской комиссии, говорил, что предоставит еще три месяца своей нищеты к услугам республики.

^{*****} Ламартин в своих воспоминаниях откровенно объясняет, почему он и другие члены временного правительства настояли, чтобы Луи Блан не вышел в отставку, и почему ему дали председательство в Люксембургской комиссии: «Луи Блан, выброшенный из состава временного правительства, изгнанный из Люксембурга и став в виду самого факта подобного преследования идолом и красноречивым Мазаниелло двух или трехсот тысяч праздных и фанатизированных парижских рабочих, был бы гораздо более опасным элементом беспорядка, чем Луи Блан, проповедующий в Люксембурге, сдерживаемый своей солидарностью с правительством и сдерживающий рабочие массы в фантастическом кругу, из которого он им не давал выбраться. Нельзя же было не дать рабочим, солдатам революции, совершенной во имя труда, даже искреннего и свободного расследования вопросов труда, которые были их политикой и их жизнью» («Mémorial politiques», III, 87). В другом месте, в тех же мемуарах, Ламартин метко характеризует Луи Блана: «Он внушал ошибки, но никогда — возмущение» (III, 184). - прим. Е.Смирнова.

Успокоенное насчет народа, временное правительство считало себя достаточно сильным, чтобы взяться за прессу — этого другого врага бессильных и реакционных властей. Оно объявило о восстановлении залогов с газет и штемпельного сбора. Это значило одним ударом покончить со всей прессой неимущих. Все новые газеты, возникшие после 24 февраля, рассчитывали для поддержания своего существования на розничную продажу их каждодневного выпуска. Штемпельный сбор и залог должны были их уничтожить. Так как почти все они принадлежали к демократической партии, цель принятой временным правительством меры не вызвала сомнений и послужила поводом к горячим протестам. Редактора новых газет и большинства старых решили представить правительству энергичный протест, постановив при этом, если правительство не примет во внимание их протеста, не подчиниться ему.

Правительство обнаружило колебание и нерешительность. Сперва оно возвестило, что штемпельный оборот будет приостановлен за десять дней до созыва избирательного корпуса, но затем, вынужденное на уступки за уступками, оно окончательно отменило налог. Вместе с тем отменены были и пресловутые сентябрьские законы.

Освобожденная от этих пут, пресса стала сильно разрастаться, и политическое воспитание народа сделало такие успехи в несколько дней, каких оно не проявило за последние пятьдесят лет монархии. Но ничто так мощно не содействовало приучению народа к демократической жизни, как клубы. Великолепное зрелище представляли собой люди, накануне еще искавшие отдыха и развлечения в кабаках и в прогнившей уличной литературе, а теперь собиравшиеся каждый вечер слушать добрую весть, евангелие справедливости и ловить олова, падавшие с уст проповедников. Большинство председателей клубов были политические арестанты монархии. Их бледные лица, преждевременная старость, неизгладимые следы их тюремного пленения напоминали народу, что они жертвовали своей кровью в борьбе за истину, и придавали их словам авторитет мученичества. Впоследствии почти все они снова были брошены в тюрьмы, покинутые ими на короткое время.

Бланки основал первый клуб под названием «Центрального республиканского общества». Его спокойные и холодные речи будили в массах пока еще неопределенные подозрения относительно намерений власти. Наученный издавна быть недоверчивым, он с пророческой мудростью разоблачал реакционное перерождение революции. С мрачным упорством нападал он на двух агентов всякой тирании — магистратуру и армию. Но его высокомерная личность удаляла от него людей его партии, более охотно группировавшихся вокруг Барбеса, основателя «Клуба революции», симпатичной и непосредственной натуры, единственным недостатком которой было

то, что он слишком полагался на честность своих врагов. Некоторые клубы ставили себе единственной задачей пропаганду какой-нибудь доктрины, например, клуб коммунистов-икарийцев, основанный Кабе. Другие клубы организовались в вооруженные секции, чтобы в случае надобности противопоставить барьер натиску реакции. Такой характер носил клуб «Общества прав человека», состоявший главным образом из членов прежних тайных обществ.

Клубы открывались во всех кварталах Парижа. Роялисты также имели свои клубы, и вскоре весь народ стал принимать Участие в борьбе воззрений, которая должна была подготовить его к осуществлению завоеванных им прав. Коссидьер и Ледрю-Роллен, понимая важность подготовки народа к предстоящим выборам, облегчили учреждение клубов, предоставляя им свободные залы общественных зданий. Через некоторое время клубы были закрыты и вместе с ними сковали прессу. Но народ, живший хотя бы один день такой духовной борьбой, никогда уже от нее не отказывается. Когда христианам запретили собираться открыто, они спустились в катакомбы. Закрытые клубы превратились в тайные общества.

3

Республика установлена была в Париже, не встречая сопротивления. Согласится ли остальная Франция принять благо уже совершенной революции? Реакционное настроение некоторых провинций позволяло в этом сомневаться. В департаменты тотчас же делегированы были комиссары для провозглашения республики и приготовления выборов народных представителей. К сожалению, выбор этих комиссаров производился слишком поспешно, и если некоторые из них достойно выполнили свою миссию, то другие воспользовались своей командировкой лишь для того, чтобы протолкнуть свои собственные кандидатуры. Некоторые из них даже вступали в соглашение с реакционными крамольниками и пытались задушить демократический дух, вместо того чтобы способствовать его развитию. В общем все же установление республики не встретило открытой оппозиции в провинции. Аристократические партии и главным образом духовенство считали, что лучше завладеть революцией, чем выступать против нее, и готовились активно руководить выборами.

Опасность гражданской войны была на время устранена; оставалась опасность внешней войны. Конвент некогда черпал в этой опасности все новые и новые силы, но Франция 1848 года, усыпленная долгим угнетением, едва пробуждалась к революционной жизни, и к тому же можно было сомневаться в том, что временное правительство найдет в себе достаточно энергии и патриотизма, которые некогда спасли конвент. К счастью, и в других странах Европы действовали бродила революции. Не было ни одного правительства, для которого война не представляла бы большей

опасности, нежели для Франции, и если бы правительства об этом позабыли, Франция имела против них мощное оружие – республиканскую пропаганду. В первые же дни марта политическая линия, которую временное правительство предполагало вести, была развита в циркуляре, разосланном Ламартином дипломатическим агентам республики.

Эта декларация, довольно энергичная, если сопоставить ее с дальнейшей политикой, казалась во время своего появления мягкой и робкой посреди всеобщего энтузиазма. Проживавшие в Париже иностранцы приняли провозглашение республики во Франции как сигнал к освобождению всех народов. С одного конца Европы до другого либеральная пресса приветствовала ее единодушным одобрением. Все считали, что, отвергая всякую мысль о завоеваниях, Франция предоставит свою поддержку народам, которые решат сбросить с себя иго деспотизма. Польша, Ирландия, Италия полагали, что могут рассчитывать если не на армии, то по крайней мере на дипломатическую поддержку Франции; мирное сияние, о котором говорил Ламартин, казалось им малодейственным, они надеялись на нечто большее, чем политика метафор. Но народ пылал такой лихорадкой энтузиазма к угнетенным народам, готовившимся к восстаниям, что мало внимания обращал на официальные декларации правительства.

Каждый день отряды иностранных патриотов собирались на площади Революции, а оттуда с развернутыми знаменами во главе направлялись к городской ратуше. Они просили о поддержке Франции, просили о выдаче оружия для предпринимаемой ими демократической кампании. Им отвечали двусмысленными фразами и бесплодными советами, но при выходе на площадь они снова встречали горячую симпатию народа, и они отправлялись без средств, но полные надежд и веры в успех европейского крестового похода на завоевание свободы. При их выступлении устраивались денежные сборы, им предлагали помощь на дорогу и оружие, и они отправлялись зажечь среди своих соотечественников революционную искру. Месяц спустя вся Европа бурлила в стремлении к свободе

Франция дала сигнал, и на нее выпала честь дирижировать хором освобожденных народов. Но революция, задушенная во Франции, должна была повсюду понести ту же участь. Бельгийцы, выступившие первые, были частью избиты при вступлении на границу^{*****}.

***** Речь идет об известном «походе» через пограничную деревню Eisquons-tout (буквально: рискнем всем). В «Новой Рейнской газете» от 2 сентября 1848 г. этому походу посвящена статья (вероятно, Энгельса) «Смертные приговоры в Антверпене», в которой между прочим говорится: «Семнадцать смертных приговоров из-за смешной истории в Eisquons-tout!.. История Eisquons-tout известна. Несколько бельгийских рабочих соединились в Париже, чтобы попытаться совершить республиканское нашествие на родину. Бельгийские

Разнеслись слухи об измене. Некоторые клубы обвиняли Ледрю-Роллена в том, что он предупредил бельгийское правительство о выступлении республиканских отрядов; реакция, наоборот, упрекала его в том, что он способствовал выступлению против дружественного правительства. Наконец, некоторые вожди экспедиции подверглись обвинению со стороны самих бельгийцев в том, что они явились агентами-провокаторами. При таких то печальных предзнаменованиях открылся республиканский крестовый поход.

Все народы Европы с радостью приветствовали наступление Французской республики. Что касается правительств, успокоенных циркуляром Ламартина, то они держались выжидательной политики, которая диктовалась им благоразумием. Таким образом, республика не встречала противодействия ни внутри, ни во вне.

Никогда еще не было положения более легкого и более благодарного, чем положение февральского правительства. Оно могло без всякой борьбы укрепить республику на широком и прочном фундаменте. Все ждали энергичных действий и радикальных реформ. Народ требовал их, привилегированные заранее покорно им подчинялись. Но люди, бывшие у власти, были как бы ослеплены величием, до которого они были подняты. Привыкшие к легким стычкам конституционной монархии, они пугались мощного орудия диктатуры, врученной им революцией. И этим объясняется та смесь неблагоприятия и робости, которая характеризует их поведение.

Некоторые меры были проведены в два или три приема. Так проведена была отсрочка на десять дней уплаты по коммерческим векселям сперва в Париже, потом в департаментах Сены и Нижней Сены и, наконец, во всей Франции. Но нужны были энергичные меры,

демократы явились из Брюсселя и поддержали это предприятие. Ледрю-Роллен способствовал ему, насколько был в состоянии. Ламартин, предатель с «благородным сердцем», у которого красивых слов и гнусных дел для иностранцев не меньше, чем для французской демократии, Ламартин, который хвастает, что когда-то конспирировал заодно с анархией, как громоотвод с молнией, сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его. Легион выступил. Делеклюз, правительственный комиссар в Северном департаменте, продал первую колонну бельгийским железнодорожным чиновникам; поезд, который вез ее, был предательски доставлен на бельгийскую территорию и очутился среди бельгийских штыков. Вторую колонну вели три бельгийских шпиона (член парижского временного правительства сам рассказал нам об этом, и весь ход дела это подтвердил), и предатели проводники привели ее в лес на бельгийской территории, где ее ждали в надежной засаде заряженные пушки. Часть ее расстреляли, но большую часть взяли в плен. Этот маленький эпизод революции 1848 года, комический по количеству предательств и по размерам, приданным ему в Бельгии, послужил бельгийской прокуратуре холстом, чтобы вышить по нему самый колоссальный заговор, какой когда-либо замышлялся». - прим. Е.Смирнова.

чтобы восстановить кредит и возродить деятельность промышленности и торговли. И прибегли к преждевременной выплате процентов по пятипроцентной, четырехпроцентной и четырех с половиной процентной ренте.

Эта бахвальская мера никого не обманула. Звонкая монета не переставала исчезать из обращения, и общественный и частный кредит не получил от этого никакой выгоды. Пришлось открыто признать, каково было истинное положение, и искать из него какою-нибудь выхода. Конечно, первыми пострадали от ошибок правительства бедняки. Было декретировано, что деньги, внесенные в сберегательные кассы, будут выдаваться наличными лишь до ста франков. Что касается богатых, они каждый день толпились в банке, чтобы выменивать свои бумажные деньги на звонкую монету.

Тогда решили установить обязательный курс для банковских денежных знаков. Но было слишком поздно. Нужно было уже 25 февраля превратить Французский банк в национальную собственность и ввести в его организацию ряд мер, которые сделали бы из него учреждение для свободы вместо предприятия для эксплуатации. Но это напоминало ассигнаты, а кроме того, это пахло социализмом. А самые реальные и жестокие опасности меньше устрашали буржуазию и ее представителей, чем фантомы коммунизма и призраки 93 года.

Монархия оставила в наследие республике огромный долг и тяжелое финансовое положение. Чтобы выйти из него, нужны были радикальные реформы: организация кредита, централизация банков, переход в руки государства железных дорог, каналов, рудников и пр. и их эксплуатация рабочими ассоциациями, подчинение капитала труду, снижение процентных ставок и вследствие этого снижение квартирной и арендной платы, бюджетная реформа, уничтожение таможен и пр. Но чтобы решиться на такие меры, нужно было быть революционерами, а временное правительство не питало никакой веры в революцию. Вместо того, чтобы опереться на народ, оно, повидимому, заботилось лишь о том, чтобы быть приемлемым для буржуазии. Между тем, в то время как капиталисты изымали из обращения звонкую монету и подрывали прочность республики своим действительным или деланным недоверием, рабочие приходили к нему на помощь с щедрым пожертвованием своих сбережений. Собрание доказало пример, внося 20000 франков, пятую часть своего состояния, в кассы государства. Многие демократы последовали его примеру. Во всех мастерских производились сборы. Люди, едва уверенные в завтрашнем существовании, жертвовали отечеству то, что они могли оторвать от своей дневной заработной платы. Зачем приходится добавлять, что эта незаметная народная преданность была, несколько месяцев спустя, оплачена тюрьмой, изгнанием или смертью!

Эти добровольные приношения, сделанные, за малыми исключениями, только людьми из народа, не могли устранить всех трудностей положения. Министр финансов Гарнье-Пажес, занявший место Гудшо, предложил несколько также бессильных полумер: распродажу бриллиантов короны, отчуждение лесов ведомства бывшего гражданского листа, реализацию остатка займа, вотированного при монархии. Было постановлено, что граждане, которые будут приносить добровольные пожертвования, будут считаться подписчиками на национальный заем и будут получать купон пятипроцентной ренты по номинальной цене даже в том случае, если биржевая цена на эту ренту превысит номинальную цену до окончания подписки на заем. Но все эти палиативы были каплями в море. Решено было прибегнуть к экстраординарному налогу. Был установлен на 1848 год дополнительный налог в 45 сантимов на франк по четырем прямым налогам. Этот налог пал своей тяжестью главным образом на мелких сельских собственников, земля которых обременена обычно ипотекой. Недовольство стадо всеобщим. Для крестьян, вообще равнодушных к политическим вопросам, республика олицетворялась этим налогом в 45 сантимов.

При таких-то настроениях должны были иметь место выборы в Национальное собрание. Ледрю-Роллен понял, что необходимо просветить народ в провинции относительно его подлинных интересов и противопоставить демократическую пропаганду активным вылазкам роялистов. Он разослал с этой целью циркуляр комиссарам, посланным им в департаменты. К сожалению, этот циркуляр, написанный адвокатом Жюлем Фавром, был составлен крайне неудачно, и враги республики это ловко использовали. Указание комиссарам о просвещении народа в период выборов они приравнивали к подкупу избирателей, практиковавшемуся при монархии. 45-сантимный налог предрасположил сельские местности к недовольству. При таких обстоятельствах демократы считали чрезвычайно важным добиться оторочки выборов. Бланки требовал этой отсрочки два раза от имени Центрального республиканского клуба, председателем которого он состоял. Затем другие клубы постановили организовать с этой целью внушительную манифестацию.

Повод к этому был им доставлен самой аристократией. Было постановлено, что весь народ будет принадлежать к национальной гвардии, и, чтобы добиться по возможности слияния старых и новых национальных гвардейцев, Ледрю-Роллен решил преобразовать старые кадры и распустить отряды гренадеров и отборной пехоты, в которых по преимуществу состояли представители высшей буржуазии. Последняя боялась утратить свое политическое влияние вследствие такого слияния с народом; старые национальные

гвардейцы желали к тому же сохранить своих начальников, а это становилось невозможным в виду преобразования кадров. Недовольство побежденных партий проявлялось довольно шумно. По ночам проносили по улицам белые знамена, которые прикрепляли к некоторым общественным зданиям. Происходили многочисленные собрания в легионах национальной гвардии. Наконец было решено устроить коллективный протест. Мысль об этом протесте исходила, как говорили, из редакции газеты «Пресса»^{*****}.

Утром 16 марта около шестидесяти тысяч национальных гвардейцев собрались, чтобы отправиться потребовать у временного правительства отмены декрета и разрешения отборным ротам сохранить их отличительные знаки, а также сохранения прежних кадров. Недовольство буржуев выражалось в самых резких формах, и большинство из них открыто выражали претензию заставить Ледрю-Роллена выйти в отставку.

Первый отряд национальных гвардейцев в мундирах подошел к городской ратуше среди пренебрежительного молчания народа; за ним вскоре показался другой отряд. Народ опасался, чтобы временное правительство не было вынуждено уступить насилию, и помешал второму отряду добраться до городской ратуши. Вскоре прибыл со своим штабом генерал Куртэ и предложил национальным гвардейцам разойтись, сдержанно упрекал их в нарушении порядка, который они должны были охранять.

В это время Араго и Ледрю-Роллен прибыли в карете на площадь городской ратуши. Как только их заметили, из рядов национальной гвардии раздались крики: «Долой Ледрю-Роллена!» Араго попытался предупредить опасность.

— Что же, забываете вы, — оказал он одному из наиболее исступленных национальных гвардейцев, — что здесь был убит Фулон?

Ему удалось пробраться с Ледрю-Ролленом в здание ратуши. Депутация национальных гвардейцев пошла туда вскоре за ними.

Араго и Арман Марраст приняли ее с нескрываемой досадой людей, видящих, что их партия компрометирует себя неудачным ходом. Они жаловались, что национальная гвардия не питает к ним доверия и провоцирует своим поведением народную контр-манifestацию, которую очень трудно будет умиротворить.

Национальные гвардейцы вернулись по своим домам с этим отеческим нагоняем, провожаемые насмешливыми шутками народа, забывшего при этом, что было преступного в этой манифестации. Он видел лишь ее забавную сторону и назвал этот день именем «медвежьих шапок».

***** «La Presse» («Пресса») — ежедневная газета Эмиля Жирардена. - прим. Е.Смирнова.

К вечеру главные клубы вошли в сношения друг с другом. Извещения были разосланы рабочим национальных мастерских и главных предприятий Парижа, и на следующий день, к одиннадцати часам, огромная толпа направилась вдоль набережных в городской ратуше. Там собрались монтаньяры Коссидьера, и эта народная армия, разрастаясь о каждой минутой, выстроилась в правильные ряды. Рядом со знаменами различных цехов и клубов развевались знамена иностранцев, главным образом Польши, трехцветные знамена Итальянского единства, знамена Германского единства и зеленое знамя Ирландии, украшенное арфой.

Когда передняя колонна прибыла на площадь городской ратуши, кортеж достигал уже приблизительно двухсот тысяч человек, разделенных на отряды в три и четыре тысячи. К звукам «гимна выступления»^{*****} и марсельезы присоединялись восклицания: «Да здравствует республика! Да здравствует Ледрю-Роллен!» Народ свидетельствовал, таким образом, свою симпатию тому из членов временного правительства, на которого аристократия особенно ожесточенно нападала. Около двух часов депутация цехов и клубов была принята временным правительством. Кабе и Соброе входили в состав этой депутации. Один рабочий, гражданин Жерар, изложил пожелания народа. Он спокойно указал, что народ до 25 марта, когда назначены были выборы, не имеет времени выяснять себе, кого из кандидатов предпочтительнее избрать; что, сверх того, не может быть независимых и свободных выборов, когда в столице остаются наемные вооруженные войска. Поэтому он от имени народа требовал удаления войск и отсрочки выборов как в национальную гвардию, тате и в Национальное собрание

— Граждане из временного правительства, — сказал он в заключение, — мы не можем скрывать от себя, что различные контр-революционные маневры могут нарушить общественное спокойствие. Вчера грозная манифестация ставила себе очевидной целью вас поколебать, — мы отвечаем на нее мирной манифестацией, с целью защитить вас и вместе с вами защитить себя самих. Пусть правительство решительно обопрется о народ, пусть покажет оно ему пример союза, единства, доверия и твердости, — и порядок будет прочен, также как и свобода, и республика восторжествует.

Это указание на единство и согласие, сделанное временному правительству, обращалось главным образом к Ламартину, который накануне, отвечая делегатам одного реакционного клуба, желал,

***** «Гимн выступления» («Chant du depart») — национальный гимн времен Великой французской революции, с которым революционные армии выступали на фронт против монархической коалиции. Составлен в 1794 году, слова М.-Ж.Шенье, музыка Мегюля. - прим. Е.Смирнова.

повидимому, дать понять, что не одобряет действий Ледрю-Роллена. Впрочем, проявлявшиеся в недрах правительства разногласия ни для кого не были секретом. Буржуазная котерия, составлявшая большинство правительства, считала, что уже одно присутствие народа у городской ратуша является для нее опасностью, и для предотвращения этой опасности она укрывалась за спиной тех своих коллег, которые пользовались доверием народа. И Луи Блану поручено было ответить депутации.

— Граждане, — сказал он, — высказанные вами мысли о порядке являются освящением свободы во Франции. Нужно, чтобы сила народа проявлялась со спокойствием. Спокойствие — это величие силы. Вы сами, граждане, не хотели бы, чтобы правительство, вас представляющее, уступало угрозам. Высказанные вами пожелания будут тем тщательнее приняты во внимание, что они выражены были в очень сдержанной форме. Мы вам признательны, что вы даете нам возможность обсудить положение дел с полной независимостью. А теперь расходитесь, дабы всем видно было, что правительство не под давлением угроз занимается своими делами.

Кабе, один из членов депутации, настаивал на том, чтобы депутации дан был более положительный ответ. Ледрю-Роллен ответил, что он запросил комиссаров оповестить его о положении департаментов, чтобы выяснить, необходимо ли в интересах республики отсрочить выборы, и что он ждет их ответов в самом скором времени.

— Вы не можете желать, — прибавил он, — чтобы мы вам дали более положительный ответ прежде, чем мы выясним себе положение.

— Но есть два вопроса, — сказал один из делегатов народа, — на которые вы можете дать немедленный ответ. Они касаются только Парижа. Это вопрос об удалении всех оплачиваемых войск и об отсрочке выборов в национальную гвардию.

Ламартин обещал, что выборы в национальную гвардию будут отсрочены.

— Что касается войск, — прибавил он, — то их нет в Париже, если не считать, быть может, полутора или двух тысяч человек, рассеянных по разным постам на окраинах города для охраны ворот и железных дорог. Неверно, что правительство якобы думало пододвинуть войска к Парижу. Вот правда, и передайте ее народу: его свобода принадлежит ему, ибо он ее завоевал. Республике внутри не нужно других защитников, кроме вооруженного народа.

С этого времени Ламартин больше всех других членов временного правительства настаивал на возвращении войск. Если он еще не забыл своего торжественного обещания 17 марта, то гул июньской стрельбы и бомбардировки предместий должен был жестоко раздирать ему душу.

Депутация заявила себя удовлетворенной торжественными обещаниями правительства.

— Делегаты народа, — оказал Собрание, — отнюдь не собираются подвергать насилию временное правительство. Мы питаем к нему полное доверие. Мы поддерживали его до сегодняшнего дня, — мы будем поддерживать его до учредительного собрания. Народ был героем в боях, был великодушен после победы. Он спокоен, потому что он силен и справедлив. Пусть злонамеренные люди, пусть задеты интересы не дерзают его провоцировать. Мы ждем с доверием осуществления обещаний временного правительства. Мы ждем, — мы, у которых часто нет самого необходимого, — что временное правительство будет непрестанно думать о том, что оно обязано заботиться о средствах существования для всех граждан. Пусть думает оно об этом, потому что у многих нет работы. Народ знает свои права и свои обязанности. Те, кто выступают открыто или скрыто против революции, совершают преступление против человечества.

Депутация возвратилась к народу. Правительство провожало ее, и Луи Блан от имени своих коллег благодарил народ за его спокойное и одержанное поведение и предложил ему разойтись, дабы дать правительству возможность свободно работать.

И народ действительно разошелся, относясь с доверием к словам правительства. Кортёж направился к Июльской колонне с восклицаниями: «Да здравствует республика! Да! здравствует Ледрю-Роллен!» На бульваре генерал Куртэ, накануне энергично порицавший манифестацию буржуазии, поздравлял народ за его патриотический энтузиазм, обещал ускорить вооружение всех граждан и заявил, что его лучшая мечта — это заслужить звание генерала народа, — слово, которого аристократия ему не простила.

Поднявшись на верхнюю часть улицы Монмартр, кортеж повернул, чтобы пройти мимо биржи. Напуганные биржевики выбежали под колоннаду и размахивали шляпами восклицали: «Да здравствует республика!» Народ ответил им тем же криком, которым он год тому назад приветствовал денежную аристократию после одного из пиров, устроенных герцогом Монпансье: «Долой воров!»

Вечером дома были иллюминированы. Группы проходили по улицам, восклицая:

— Фонарей! Празднуйте победу народа!

Это был последний радостный день демократической партии. На следующий день, выразив публично народу благодарность за манифестацию, которую оно позже обзывало крамольной и узурпаторской, временное правительство стало думать о том, как предупредить возможность повторения народных демонстраций, которые сознание своих ошибок рисовало ему как большую опасность. Ламартин сблизился не только с Ледрю-Ролленом, но и с главными

народными вождями. Он вел собеседования с Собрание и Бланки. Хотя в глазах буржуазии ее главным представителем был Ламартин, действительным вождем реакции являлся мэр Парижа Арман Марраст. Буржуазная котерия опасалась последствий сближения между Ламартином и вождями клубов. В публику пустили документ, найденный, как говорили, среди бумаг одного из министров монархии, который заключал в себе разоблачение о прежних тайных обществах, — и этот документ приписывали Бланки. Верен ли был этот факт или ложен, он должен был лишить Бланки доверия в глазах его собственной партии^{*****}. И с этого момента влияние наиболее деятельного из вождей демократии было на время подорвано, и

***** По поводу опубликованного бывшим сотрудником «National», близким приятелем Марраста, Ташеро, документа в «La Sentinelle des clubs» («Часовой клубов») от 2 апреля 1848 г. напечатана следующая заметка:

«Протест Л.-О. Бланки.

В течение нескольких дней уже в Париже носились гнусные слухи об одном из наиболее преданных людей демократической партии. Сегодня клевета оформилась, определилась. Бывший человек (Le ci-devant) Ташеро, один из внухов партии Барро опубликовал в форме брошюры (в действительности в форме выпуска неперiodического сборника под названием «Ретроспективное обозрение, или секретный архив последнего правительства». — Е.С), и «Судебная газета» воспроизвела документ извлеченный, как утверждают, из архивов министерства. В ожидании разъяснений, превращающих все это в важнейший вопрос (qui font de tout cela une question capitale), спешим опубликовать протест гражданина Л.-О.Бланки.

«Господин редактор,

В «Судебной газете» опубликован подлый документ. Хотя мое имя в нем не названо, однако я указан в нем с такой ясностью, как если бы оно было полностью напечатано.

Этот документ сфабрикован недостойными врагами, которые скрываются, но которых я разоблачу.

Если вы напечатаете этот документ, прошу вас, господин редактор, приложить к нему настоящую записку, дабы публика одновременно с атакой могла ознакомиться и с ответом.

Париж, 1 апреля 1848 г.

Л.-О.Бланки».

«Подлый документ», о котором идет речь, представлял собою копию анонимного доноса министру внутренних дел о тайном обществе «Времен года» и организованном им восстании 12 мая 1839 г. Барбес, который повздорил с Бланки на процессе участников этого восстания и на всю жизнь сохранил к нему неприязненные отношения, утверждал, что автором этого доноса мог быть только Бланки, так как в нем сообщалось фактах, которые известны были лишь ему (Барбесу) и Бланки. Однако известный коммунист Дезами, тоже член общества «Времен года», хорошо знавший его дела, утверждал, что факты, о которых сообщалось в доносе, были известны многим членам Общества. Во всяком случае, подлинник документа, «копия» с которого распространялась врагами Бланки, никогда не был предъявлен лицам, разбиравшим это дело. - прим. Е.Смирнова.

временное правительство могло забыть о всех своих обещаниях 17 марта.

Удовольствовались тем, что отложили выборы в национальную гвардию на несколько дней. Что касается выборов в Национальное собрание, они тоже были отложены на короткий срок, которого меньшинство правительства добилось с громадным трудом и который постарались оправдать в глазах буржуазии материальной невозможностью организовать выборы в назначенный ранее срок.

Реакция, напуганная энергичным поведением народа в день 17 марта, почувствовала, что она слишком поторопилась и что не пробил еще час выступить с открытым забралом. Тогда начались искусные и упорно проводимые маневры, чтобы закрыть для республиканской партии двери учредительного собрания. Выборы в национальную гвардию явились предвкусением этих роялистских интриг. Выборы назначены были на 5 апреля. До этого времени весь народ должен был быть вооружен. А вооружение его проводилось с рассчитанной медлительностью. В департаментах дело обстояло еще гораздо хуже: почти повсюду национальная гвардия оставалась гвардией буржуазной. Когда комиссары правительства хотели вооружать народ, им, приходилось выдерживать борьбу с местными властями, опиравшимися на аристократию. Крамольные реакционные силы вели против них клеветнические кампании в своих газетах и громко требовали их отозвания. В некоторых городах имели место кровавые столкновения между безоружным народом и вооруженной буржуазией.

Даже там, где народ был введен в состав национальной гвардии, реакции обычно удавалось устранять демократических кандидатов часто путем самых бесчестных махинаций. Так, например, чтобы помешать избранию Барбеса полковником 12-го парижского легиона, расклеили накануне дня выборов афишу, в которой он якобы заявлял, что снимает свою кандидатуру. Народ, правда, довольно часто разоблачал подобные маневры. Предвидя вероятный результат созыва Национального собрания, он обычно ставил кандидатам на высшие посты следующий вопрос:

— Если бы Национальное собрание изменило народу, выступили ли бы вы против него?

И действительно, все предвещало, что демократическая партия будет побеждена на выборах в Национальное собрание. И нужно сказать, что ответственность за это поражение падает в значительной степени на самый народ. Несмотря на повторные предупреждения клубов и республиканских газет, большинство рабочих не позаботилось записаться в избирательные списки, — беззаботность, которую в некоторых случаях можно с трудом приписать злой воле муниципальных властей и которую народ впоследствии окупил слишком жестокой ценой. Что касается провинции, то ее постоянная

вражда к Парижу искусно использовалась крамольными роялистами. Провозглашение республики выставлялось как акт узурпации со стороны парижского народа. Бывшие депутаты левого центра, предлагали предоставить свою так называемую опытность на службу республике, но республике благомыслящей и умеренной, — выражение, которым с тех пор сильно злоупотребляли и действительный смысл которого раскрыла июньская бойня.

Со своей стороны, республиканская партия беспрестанно напоминала избирателям, что реакционное Национальное собрание неизбежно породит гражданскую войну. Эта мысль даже выражена была в воззвании министерства внутренних дел, удачному составлению которого способствовала своим энергичным стилем одна из наших видных писательниц, Жорж Занд. В то же время клубы старались противопоставить республиканскую пропаганду роялистским маневрам. Чтобы централизовать дело этой пропаганды, делегаты главных клубов организовались в постоянный комитет, который под названием «клуба клубов» и «революционного комитета» заседал в помещении газеты Собрание «Парижская коммуна».

Этот комитет разослал в департаменты и в армию комиссаров, которым поручено было распространять республиканские идеи. Министерство внутренних дел взяло на себя расходы по содержанию этих комиссаров, но проявило при этом крайнюю скупость, а после губительного удара, нанесенного республиканской партии событием 16 апреля, большинство этих делегатов было оставлено без всяких средств. И, таким образом, богатство роялистских партий и их долгий опыт в избирательных интригах остановили пропаганду в провинциях. Что касается армии, она оставалась преданной монархическим традициям, и если она иногда отвергала правительственных кандидатов, то лишь в пользу более реакционных деятелей. А в это время действительной носительницей власти была котерия «National», опиравшаяся на буржуазию, которой она гарантировала республику, окруженную монархическими учреждениями и признающую все привилегии. Эта крамольная группа, подобно монархии в прежнее время, покрыла Францию преданными себе чиновниками, боровшимися против всех действительно республиканских и особенно социалистических кандидатур. Пьер Леру, например, был устранен почти официально. Одни только выборы в Париже внушали некоторое беспокойство правительству. Благодаря клубам демократический дух проник, в самую толщу масс, и против их влияния выдвинут был реакционный заговор, принявший форму театрального сюрприза.

5

Утром в воскресенье 16 апреля, как всем заранее известно было, рабочие в большом числе собрались на Марсовом поле для выборов офицеров главного штаба национальной гвардии. Избирательное

собрание, также состоявшее из рабочих, происходило в то же время и на ипподроме. Заговорщики увидели в этих двух собраниях удобный предлог покончить с республиканско-социалистической партией. В один момент и как бы по данному знаку распространяется повсюду слух, что коммунисты собрались на Марсовом поле в количестве от 200 до 300 тысяч человек во главе с Кабе, Бланки, Распайлем и Луи Бланом и что они, вооруженные, идут к городской ратуше, чтобы свергнуть временное правительство. В то же время гудит во всем Париже общий сбор; мобильная гвардия и национальная гвардия Парижа и пригородов собираются с восклицаниями: «Долой коммунистов! Долой Кабе! Долой Бланки! Долой Распайля! Долой Луи Блана!» и даже «Долой Ледрю-Роллена!»

Меньше чем через час свыше ста тысяч вооруженных людей покрывают площади, набережные, улицы и бульвары. Городская ратуша охраняется словно крепость; у каждой двери поставлено оружие. Депутации от национальной гвардии, мобильной гвардии и Политехнической школы входят в ратушу. Появляется Ламартин и приветствуется восторженными восклицаниями. Он сообщает, что его коллеги и он сам только что спаслись от ужасающей опасности. Какой-то комитет общественного спасения хотел заменить собою законное временное правительство. К счастью, единодушная и самопроизвольная поддержка всех добрых граждан сокрушила бессмысленные стремления и превратила день опасности в день торжества порядка, общества и т.д.

Делегат национальной гвардии стал заверять в ее полной преданности:

— Все эти люди, — сказал он, — толпящиеся на площади, радостно счастливые, призывают свои благословения на ваши священные (sic!) головы. Вы олицетворяете собою величественную мысль о нашей революции, вы будете маяком, которым мы будем руководиться и пр., и пр.

Ламартин снова произносит речь, новый оглушительный взрыв аплодисментов, «энтузиазм доходит до экстаза», — как писали на следующий день роялистские газеты.

Между тем собравшиеся на Марсовом поле рабочие, избрав своих офицеров в главный штаб, произвели денежный сбор и постановили отнести собранную сумму временному правительству и в то же время представить ему свои пожелания относительно организации труда путем учреждения ассоциаций. Каково же было их удивление, когда они увидели, что набережные и окрестности городской ратуши оцетинились штыками, и когда они установили, что патриотическое пожертвование, приносимое правительству идущими в полном спокойствии безоружными людьми, послужило предлогом этой ужасающей мобилизации сил. Несмотря на окрики и провокации, они без шума и в полнейшем порядке подошли к зданию и потребовали

пропуска их депутации к временному правительству. Должны же были принять принесенные ими деньги! К счастью, Луи Блан только что вместе с Альбером вошел в городскую ратушу, несмотря на то, что национальные гвардейцы старались им заградить проход. Он обратился к делегатам с небольшой речью, приписал все недоразумению и провел рабочих среди выстроенных национальных гвардейцев.

Последние затем удалились и парадировали на улицах, не переставая восклицать: «Долой коммунистов! Смерть Кабе! Смерть Бланки!» Вечером банда национальных гвардейцев устремилась с угрозами к консерватории. Там заседало Центральное республиканское общество. Несколько монтаньяров вышли из зала и показали у дверей. При виде их красных поясов национальные гвардейцы разбежались с криками: «Спасайтесь, вот они!» Более грозное выступление было произведено против братского общества коммунистов-икарийцев. Еще до открытия его заседания национальные гвардейцы из пригородов заявили, что придут закрыть зал, а хозяин помещения сказал, что больше сдавать его ему не будет. В то же время от пятисот до шестисот национальных гвардейцев с гиком устремились к дому, в котором жил Кабе, восклицая: «Смерть коммунистам! Кабе на фонарь!» Офицеры шли во главе своих солдат, размахивая саблями.

Кабе в это время был у своего приятеля. На следующий день он писал временному правительству, некоторые члены которого, в том числе и Ламартин, были его личными друзьями: «Если бы я был убит, это произошло бы меньше чем через два месяца после народной революции, во имя республики, во имя принципов свободы, равенства и братства, без того, чтобы кто-нибудь из членов правительства проронил хотя бы одно слово, чтобы опровергнуть клевету, чтобы положить конец угрозам, чтобы охранить жилище, личность и жизнь гражданина, заведомо для правительства подвергающегося большой опасности».

Кабе требовал назначения следствия. Установлено было с очевидной ясностью, что ни он, ни Бланки, ни Распайль не имели никаких сношении с собравшимися на Марсовом поле рабочими. Последние, со своей стороны, заявляли, что если бы они хотели свергнуть временное правительство, они собрались бы не без оружия, а вооруженные, и в числе не меньше двухсот тысяч, что они могли бы сделать очень легко. Правительство тем не менее утверждало, что оно напало на след огромного коммунистического заговора, который им был предупрежден. Оно предпочитало казаться испугавшимся своей собственной тени, нежели признать, что все дело было простым заговором против рабочих.

Трудно сказать, какую долю участия принимали в этом деле главные члены правительства. И Ламартин, и Ледрю-Роллен, и

Марраст одинаково претендовали на честь, что спасли Францию, распорядившись бить общий сбор. Однако весьма вероятно, что Ледрю-Роллен был скорее игрушкой в чужих руках, нежели соумышленником реакции. Но он все же продолжал свою роль и на следующий день выступил с обвинением против социалистов в официальном бюллетене и присоединил свои оскорбления к требованиям смерти, раздававшимся со стороны реакции.

Однако этим дело не кончилось. Национальная гвардия разбила ночью свои бивуаки на городских площадях. На следующий день снова забили сбор. Буржуазия собралась с оружием в руках и прошла по улицам с многочисленными барабанщиками во главе. Некоторые легионы кричали: «Да здравствует армия! Пусть возвратят армию в Париж!» Офицеры национальной гвардии направились на Вандомскую площадь, к министерству юстиции, и там стали требовать возвращения войск. Кремье обещал им, что правительство исполнит пожелание народа, и все разошлись, приветствуя армию. Дело было сделано.

Еще через день устроено было великое торжество раздачи знамен. Национальная гвардия и армия братались; женщины аристократии махали платками, высываясь из окон своих квартир. И с этого времени каждый день офицерами национальной гвардии устраивались новые банкеты армии и мобильной гвардии. Тогда же Бланки предсказал, что плодом братания буржуазии и армии будет Варфоломеевская ночь пролетариев, — пророчество, исполнившееся два месяца спустя.

Бешенство против коммунистов не ограничивалось покушениями вечера 16 апреля. В течение нескольких дней Париж был жертвою настоящего террора. На улицах не решались больше говорить ни о социализме, ни даже об организации труда. Многие граждане подвергались избиениям и угрозам смерти за то, что защищали принципы Луи Блана пред национальными гвардейцами.

Не осмеливаясь еще кричать: «Долой республиканцев», преследовали их якобы как коммунистов. Каждый национальный гвардеец считал себя облеченным государственной властью и по собственному произволу арестовывал тех из своих соседей, которые казались ему «слишком передовыми». Вскоре префектура полиции была бы ими набита до отказа, если бы монтаньяры не выпускали через задние ворота тех, кого к ним приводили. В то же время Доносы сыпались таким частым дождем, что казалось, как говорил Коссидьер, что половина Парижа хотела бросить в тюрьму вторую половину. И все это во имя «порядка», — слово, пущенное в ход со времени взятия Варшавы и вошедшее в большую моду.

Эта реакционная вакханалия свирепствовала еще более жестоко в провинции. Жители деревень легко дали себя убедить, что коммунисты — разбойники и поджигатели, требующие раздела

имущества и общности женщин, и что к ним нельзя не питать достаточно сильной ненависти, так же как и к Ледрю-Роллену и другим республиканцам, ставшим их соумышленниками. Впрочем, эти преследования редко имели кровавый характер, — это была лишь репетиция, шутовской парад, которым реакция предвещала кровавую трагедию.

В такой-то обстановке имели место выборы в Национальное собрание. Все заставляло предвидеть, что всеобщее голосование будет фальсифицировано при этом первом своем применении. Но результат превзошел все надежды роялистов. Целью провинции голосовали под руководством духовенства; священники с амвона поддерживали роялистских кандидатов и предавали анафеме республиканских кандидатов и их избирателей. А потом, в день выборов, они выходили во главе своего стада и зорко наблюдали за голосованием. К влиянию священников повсюду прибавлялось влияние мэров, а по отношению к рабочим — влияние хозяев.

Что касается армии, то ей даны были избирательные права лишь с целью склонить весы в пользу правительственных кандидатов. Поэтому, вместо того чтобы дать солдатам свободно голосовать вместе с остальным населением, их заставили голосовать отдельно, в полной дисциплине, под руководством их начальников. Арман Марраст позаботился для этого вручить списки правительственных кандидатов находившимся в Париже корпусным генералам.

Все это привело к тому, что не только депутаты династической левой, но и почти все привилегированные оказались избранными. Кроме них были выбраны бывшие сотрудники «National, каждый из которых вносился в официальные списки кандидатов в восьми или десяти департаментах, выбраны были и несколько священников и несколько епископов, — духовенство, располагавшее таким значительным числом голосов, могло же присвоить себе некоторое количество мест. Наконец было и значительное число генералов — вследствие прирожденной склонности французов к военной мишуре; было особенно много помещиков и капиталистов. Так как временное правительство декретировало, что депутаты будут получать по 25 франков в день жалованья, звание депутата становилось весьма желанным, и буржуазия относилась к выборам с таким же интересом, с каким она ведет биржевую игру

Республиканская партия возлагала большие надежды на выборы в департаменте Сены, который должен был послать в палату 34 представителя. Делегаты клубов и рабочих цехов вступили между собою в соглашение и составили общий кандидатский список, который они пропагандировали среди избирателей. Этот список заключал в себе двадцать имен рабочих и четырнадцать имен известных социалистов и демократов, главным образом бывших политических заключенных. В список не были внесены Бланки и Кабе,

престиж которых в глазах части населения был подорван интригами реакции. Несмотря на устранение этих опасных кандидатов, республиканский список имел небольшой успех. Ни один из рабочих не был избран, за то все бывшие рабочие-миллионеры, которых роялистские газеты поддерживали, чтобы придать себе некоторый лоск республиканизма, прошли. Все члены временного правительства и министры были избраны в Париже. Старание в этом отношении зашло так далеко, что даже выставлена была кандидатура издателя Паньера, ставшего секретарем правительства. Демократические и социалистические члены правительства получили гораздо меньше голосов, нежели их коллеги. Реакционный заговор 16 апреля принес свои плоды.

Выборы в Париже прошли без всяких беспорядков; то же самое наблюдалось повсюду, где народ был вооружен. Но в большинстве городов, где национальная гвардия осталась исключительно буржуазной, разразились беспорядки, сопровождавшиеся иногда кровавыми боями. Избирательные маневры роялистов, мошенничества, совершенные личностями, на которых возложены были прием и подсчет избирательных бюллетеней, раздражали народ, когда ему удавалось их разоблачить. В Лиможе народ ворвался в помещение, где производился подсчет голосов, разбил урну и сжег бюллетени. Национальные гвардейцы без всякого зова сбегались и зарядили свои ружья; некоторые из них даже стали стрелять и теснить народ штыками. И тотчас же рабочие вооружились палками и камнями, захватили посты и через несколько минут ружья национальных гвардейцев были розданы рабочим.

Члены бывшего комитета, назначенного комиссаром правительства, собрались на заседание в префектуре и окружили себя рабочими. Первым актом этого комитета было распорядиться произвести опись ружьям и распределить их путем жребия между Гражданами. В то же время в помещениях главных правительственных учреждений организованы были посты рабочих, патрули обходили улицы, и порядок великолепно соблюдаться в результате этой мирной победы народа,

Не то было в Руане. Там народ был побежден, и победа, буржуазии была кровавой и сопровождалась жестокими преследованиями. Различные провокационные вылазки реакционеров, имевшие место начиная с февраля, не могли не подорвать терпения рабочих. Республиканские власти покрывались оскорблениями и не признавались, неповиновение и восстание открыто пропагандировались; сваливали деревья свободы, национальные гвардейцы отливали пули и изготовляли патроны. Впоследствии в ранах рабочих находили самую крупную дробь и изготовленные для гражданской войны слитки меди и железа. Повсюду кричали, что нужно покончить с рабочими.

Борьба началась с насилий национальной гвардии над группами детей, распевавших марсельезу; их расталкивали и топтали, а одному из них гренадером был нанесен жестокий удар в живот. Дети тотчас же рассыпались по городу с криками: «Нас убивают! К оружию! Здесь изменники!» Впопыхах составляются группы, национальная гвардия выстраивается в боевом порядке под колоннадой городской ратуши и, не получив ни от кого приказа, заряжает свои ружья. Центральный комиссар Проспер запрещает гвардейцам пускаться в ход ружья без особого приказа; ему отвечают угрозами расстрелять его. Один капитан, по имени Душ, не посоветовавшись даже с администрацией, приказывает драгунам выступить против народа и затем, увидя национального гвардейца, по ошибке втесавшегося в толпу, набрасывается на него со своей саблей и укладывает его мертвым.

Слух об этом убийстве распространяется по городу, и думая лишь о том, чтобы защититься от нападения вооруженной национальной гвардии, народ воздвигает баррикады в улице Робек, в улице Мартенвиль и в смежных кварталах. Национальная гвардия и пехота открывают огонь против рабочих; последние безоружны и могут отвечать только камнями. Однако, укрываясь за своими баррикадами, они оказывают упорное сопротивление. Стрельба продолжалась до полуночи.

Ночью воздвигнуты были новые баррикады, и на следующее утро, уже с трех часов, забили сбор, и борьба возобновилась. Буржуазия и войска повсюду вели ее с изумительной жестокостью, обстреливая все окна, нападая на беззащитных граждан, убивая без всякого повода первых встречных, беременных женщин, маленьких девочек, матерей, желавших унести трупы своих убитых малышей. Обстреливали врачебные пункты, приканчивали раненых, запрещали рабочим сопровождать гробы их братьев; убили женщину, державшую своего ребенка у груди. Подробности этих жестоких событий долго оставались неизвестными, ибо следствие, потребованное республиканцами, направлено было против них. Речь представителя народа Теодора Бака в Национальном собрании разоблачила, наконец, подробности этой ужасающей бойни.

Не будучи в состоянии восторгаться над сопротивлявшимся народом, национальная гвардия и войско выдвинули пушки. Снаряды выпущены были на баррикаду ворот Вильяма-Льва и на соседние дома, в которых укрылись рабочие. Борьба становилась слишком неравной для последних; они предложили вступить в переговоры и вынуждены были, в конце концов, сдаться без всяких условий. Они сами разрушили свои баррикады. Комиссар правительства Дешан и временный мэр Руана объезжали улицы города; но лишь только они удалялись, бой возобновлялся. Инсurreкция, сперва сосредоточившаяся в восточной части города, вскоре распространилась на левый берег, в предместье Сен-Север. Но пушка

смела под конец все баррикады, и рабочие отступили в равнину, преследуемые пулями национальной гвардии и войска. Можно было видеть людей с ягдташами и двуствольными ружьями, наслаждавшихся охотой за рабочими. По словам Теодора Бака, национальная гвардия не потеряла ни одной капли крови.

После боя начались преследования и бесчисленные аресты, при которых мобильная гвардия оказывала помощь буржуазии. Все те, которые так или иначе выражали свое порицание бешенству национальной гвардии против безоружного населения, бросались в тюрьмы среди диких выкриков, избиений и брани. Оба помощника мэра города чуть не были убиты накинувшимися на них национальными гвардейцами. Были граждане, которых бросали в тюрьмы только за их республиканские убеждения, как, например, Матье Эпиналь, единственное преступление которого состояло в том, что он по политическим делам сидел в тюрьме при монархии. Некоторые лица были арестованы лишь за то, что они обходили улицы.

Эти преследования производились под руководством генерального прокурора Франк-Каре, прославившегося при монархии остервенелыми обвинительными речами против республиканцев; за два дня до этого он уже подал заявление об отставке, но теперь он взял ее назад, радуясь представившейся возможности возобновить свои нападки на демократию.

Руанская бойня, — этим названием народ окрестил это событие, — была последним делом, которым отмечено было существование временного правительства и которое явилось неизбежным последствием его реакционной политики. После двухмесячной своей диктатуры оно оставило Францию разъедаемой разногласиями и недовольной, с пошатнувшейся республикой, с нависшим банкротством, с разрастающейся нищетой, с подымающими голову монархическими партиями, с федералистическими стремлениями и неизбежной гражданской войной.

Во-вне положение было не более утешительно. После февраля задвигались все народы: Германия стремилась к единству и свободе, Польша, Италия и Ирландия поднялись за свою независимость, венгерский, славянский и румынский народы стремились восстановить свою независимость на фоне разложения Австрии.

Теперь это великолепное движение приостановилось. Республиканские отряды, отправившиеся в Бельгию, на Рейн и на Альпы, были разбиты, рассеяны или арестованы; Ломбардия в отчаянии бросилась в объятия дважды клятвопреступного короля; парализованная Австрия возвращалась к жизни; прусский король, вынужденный в день революции склониться перед польским знаменем и трупами мучеников свободы, опирался теперь на

реакционную армию, а Россия грозила задушить Румынию и поглотить все славянские народности.

Таковы были плоды миролюбивой пропаганды г.Ламартина. Надежды народов и страх деспотических правительств рассеялись пред лицом крепнувшей реакции во Франции. Думали, что произошла серьезная революция, а между тем все ограничилось сменой кабинета.

6

В такой-то обстановке временное правительство вручило свои полномочия Национальному собранию, которое, вместо того чтобы исправить его ошибки, собиралось их еще усугубить и ускорить наступление катастрофы.

В четверг 4 мая собралось в первый раз Национальное собрание во временном зале, построенном для него во дворе бывшей палаты депутатов. Партии заранее определились по местам, которые они занимали. Бывшие депутаты поместились по правую сторону и в центре, республиканцы, демократы и социалисты, составлявшие приблизительно десятую часть собрания, разместились по левую сторону, главным образом на верхних скамьях, которые вскоре стали называть скамьями Горы**, — название слишком славное и слишком ответственное для республиканцев нашего времени. Гора конвента не дала бы погибнуть республике; сведенная к нескольким лицам, она до самой смерти отстаивала принципы революции.

Временное правительство, выйдя из министерства юстиции, прошло пешком бульвары до площади Революций. На его пути буржуазия кричала: «Да здравствует Ламартин!» Народ, для которого этот день не был днем праздника, хранил молчание. Правительство вступило в зал заседания, заняло места на нижних скамьях и затем, в лице своего председателя Дюпона (де л'Эр), передало свои полномочия Национальному собранию.

Некоторые опасались, что Национальное собрание сочтет себя в праве поставить под вопрос республиканскую форму правления, — это значило бы провозгласить немедленную гражданскую войну. Но партии не имели еще времени подсчитать свои силы; все они с опаскою оглядывались на своих соседей. И к тому же народ еще был на ногах. И все поднялись со своих мест, чтобы единогласно принять следующее воззвание, предложенное представителями сенского департамента:

«Национальное собрание, верный истолкователь настроений только что избравшего его народа, прежде чем приступить к

своим работам, заявляет, от имени французского народа и пред лицом всего мира, что республика, провозглашенная 24 февраля 1848 г., есть и останется формой правления Франции. Республика, которой желает Франция, имеет своим девизом: свободу, равенство, братство.

Во имя отечества Национальное собрание зарекает всех французов, без различия воззрений, забыть прежние разногласия и слиться! в одну единую семью. День, в который собираются представители народа, является для всех граждан праздником согласия и братства. Да здравствует Республика!»

Между тем народ дожидался снаружи с некоторым нетерпением. Генерал Куртэ предложил депутатам выйти на колоннаду дворца приветствовать республику. Все собрание поднимается и выходит на террасу к толпе; оглушительный крик: «Да здравствует республика!» раздается на мосту и на площади Революции. Народ снова проникается на короткое время доверием.

«Верите ли вы в чудеса, — спрашивала на следующий день одна республиканская газета, — верите ли вы во внезапные обращения? Все Национальное собрание кричало: да здравствует республика! Когда Барбес поднял свою честную руку, можно было видеть, как вслед за нею поднялись роялистские руки, быть может подписавшие его осуждение. Палачи кричали заодно с мучениками».

После избрания председателем Бюшеза, — избрания мало значительного и лишь отсрочившего открытое столкновение партий, — Национальное собрание заслушало доклады членов временного правительства о различных отраслях его деятельности. Сперва Ламартин прочитал от имени Дюпона, (де л'Эр) общую сводку совершенных в течение двух месяцев действий; этот красноречивый защитительный доклад был достаточно справедлив, чтобы воздать честь народу, и одному лишь народу, за тот дух порядка, милости и умеренности, который составил славу Февральской революции. Затем говорил Ледрю-Роллен; с некоторою горечью жаловался он на страстные атаки, жертвой которых он был в то самое время, когда выполнял трудную задачу — организацию всеобщего голосования.

Другие министры друг за другом изложили мероприятия, принятые по их ведомствам. Собрание слушало их со вниманием и благосклонностью. А между тем в головах республиканцев мелькало много возражений, особенно когда Мари говорил о национальных мастерских, этом хаосе, который предпочли общественной организации труда, и когда Гарнье-Пажес излагал меры, которые он считал нужными, но не провел их, как, например, передачу в руки государства Французского банка и железных дорог. Но собрание проявило большую холодность к Луи Блану, который в блестящей речи резюмировал работы Люксембургской комиссии. Уже по одному неприязненному виду большинства собрания можно было отметить

** Гора — так называли партию якобинцев, составлявших левую часть Конвента, и заседавших на самых верхних скамьях. В 1848 году так называли левую часть Национального и Законодательного собраний, состоявшую из буржуазных демократов и социалистов. - прим. Е.Смирнова.

его глубокое невежество в области социальных вопросов и его полное равнодушие к страданиям и нуждам народа

Последним выступил Ламартин – на этот раз от своего имени. С красноречием изложил он ход европейской революции и наметил политику Франции в двух словах: уважение к национальностям, уважение к правительствам. Собрание и не подумало задаться вопросом, совместимо ли одно с другим, и с энтузиазмом аплодировало миролюбивым заявлениям оратора. Три народных представителя предлагают объявить, что временное правительство заслужило признательность отечества. Тотчас же всходит на трибуну Барбес.

– Прежде чем дать поставить на голосование это предложение, – восклицает он, – я хочу выразить протест против множества актов, совершенных временным правительством и вызвавших его непопулярность. Я укажу на бойню в Руане...

Шумный ропот раздается со стороны правой и центра. Слышны восклицания: «К порядку! К порядку!»

– Я напому, – продолжает Барбес, – убийства, совершенные национальной гвардией в Руане. Я напому избиение бельгийских отрядов. Я напому, что ничего не было сделано ни для Италии, ни для Польши. Когда временное правительство представит нам объяснение по этим вопросам, можно будет голосовать ему признательность. Пока же я протестую от имени народа.

Грубые оскорбления покрывают голос Барбеса. Товарищ Франк-Каре, Сенар, отвечает ему, – он восхваляет сдержанность национальной гвардии в Руане и заявляет, что число убитых было сильно преувеличено. Этому человеку суждено было восхвалять все бойни.

Кремье возвещает, что начато расследование об этих событиях. Один из депутатов предлагает собранию объявить себя удовлетворенным объяснениями правительства. Барбес настаивает.

– Я требую, – говорит он, – чтобы расследование было произведено комиссией, назначенной собранием, а не разными Франк-Каре.

Раздаются новые крики. Собрание огромным большинством решает, что временное правительство заслужило признательность отечества. Лишь Барбес и пять или шесть других депутатов поднимаются против этого предложения.

После этого выражения признательности временному правительству можно было думать, что исполнительная власть будет оставлена в его руках до принятия конституции; но собрание считало необходимым отделаться от демократов и социалистов. Решено было назначить исполнительную комиссию из пяти членов. Луи Блан будет, таким образом, неизбежно вытеснен; что касается Ледрю-Роллена, то его также рассчитывали устранить, но Ламартин не пожелал пойти на

такую сделку, которая превратила бы его в глазах всех в вождя реакции. Назначение Ледрю-Роллена он поставил, как выражались во времена монархии, кабинетным вопросом. Собрание отплатило ему за это, как надувшийся ребенок: Ледрю-Рюллен и он прошли в тайном голосовании после Араго, Мари и Гарнье-Пажеса. Широкая буржуазная популярность Ламартина рушилась в один день.

По постановлению собрания, министры должны были быть назначены им самим, без участия исполнительной комиссии. Таким образом все бывшие министры и члены временного правительства снова получили власть, за исключением Луи Блана и Альбера, устранившихся в качестве социалистов. Они были замещены сотрудниками «National».

Луи Блан, заявив, что Люксембургская комиссия с открытием Национального собрания перестала существовать, потребовал, чтобы путем создания министерства труда занялись облегчением положения народа, прибавив при этом, что он останется в стороне от власти до принятия конституции. Несмотря на это заявление, собрание сделало вид, что считает предложение Луи Блана исходящим из личных побуждений, и ограничилось назначением комиссии с поручением произвести анкету о положении рабочих. Собрание пожелало таким образом удостовериться, что бедняки действительно бедны, полагая, что будет еще время подумать о средствах лечения после того, как будет выяснена болезнь, если болезнь действительно будет найдена до того времени, не слышно будет, по крайней мере, никаких разговоров о народе, и собрание сможет заниматься своими собственными делами.

Его первой заботой было окружить себя всяческими предосторожностями против народа. Оно предоставило в распоряжение своего председателя все военные силы Франции; оно декретировало, что петиции можно будет ей представить лишь через его членов, что петиционеры ни в каком случае не будут допускаться в здание палаты, и что оно позаботилось также установить особый знак, который должен отличать народных представителей от остальных людей во время народных празднеств, а также и о множестве мелких деталей внутреннею распорядка, мелочных и незначительных, – и все это посреди дикою шума, какой проявляют банды недисциплинированных школьников. К тому же всем известно было, что огромное большинство собрания намерено если не возвратиться к прошлому, то, по крайней мере, воспротивиться дальнейшему развитию революции; оно согласно было только поставить на опыт буржуазную и монархическую республику. Что касается Горы, то хотя она составляла незаметное меньшинство, она могла бы, если бы у нее хватило инициативы и единения, с первых же дней забрать в свои руки руководство собранием. Ее самым крупным недостатком было

то, что она изолировала себя от народа. За исключением Барбеса, ни один из республиканских представителей не показывался в клубах.

7

Между тем положение страны ухудшалось с каждым днем; в то же время из других стран поступали очень грустные сообщения. Восстание Польши, последовавшее за Февральской революцией, было близко к поражению. Военное положение было объявлено в Познани прусским королем, вольные отряды Мерославского после нескольких побед были истреблены; началось избиение польских инсургентов в Познани и в Галиции, и Польша не переставала умолять о поддержке Франции. Никакая страна никогда не внушала столько симпатий французскому народу, как Польша. Июльская монархия стала крайне непопулярной не столько благодаря своим репрессивным законам, сколько благодаря своему подлому отказу прийти на помощь полякам. Ныне снова поставлен был этот вопрос национальной чести, и народ опасался, что снова воцарится позорная политика монархии

Некоторые клубы обратились по поводу поляков с петициями к Национальному собранию. Наконец, по требованию большого числа делегатов департаментов, прибывших в Париж для участия в возвешенном временным правительством празднестве, а также по требованию некоторых ирландских, польских, итальянских и немецких демократов, председатель клуба клубов Гюбер организовал народную манифестацию в пользу Польши. Место, день и час сбора были оповещены публично. Хотя было решено собраться без всякого оружия, Барбес, опасаясь каких-нибудь беспорядков, пытался воспрепятствовать устройству манифестации или, на крайний случай, отсрочить ее, рассчитывая, что Национальное собрание сделает ее ненужной, выступив с объяснениями по поводу Польши. Вопреки его усилиям, манифестация была назначена на понедельник, 15 мая. Еще накануне Барбес делал тщетные усилия добиться новой отсрочки. Утром 15 мая собравшиеся в большом числе безоружные рабочие и делегаты главных клубов выступают с площади Бастилии; в одиннадцать часов кортеж начинает продвигаться вперед, имея во главе знамена клубов и рабочих цехов, знамена некоторых департаментов, а также знамена Польши, Италии и Ирландии. Этот громадный отряд проходит вдоль бульваров в самом полном порядке, ни у кого нет никакого оружия. Раздаются лишь восклицания: «Да здравствует Польша! Да здравствует республика!»

Условлено было, что кортеж остановится на мосту Согласия и что депутация из пяти членов отделится, чтобы пойти представить петицию Национальному собранию. Но в тот момент, когда народ выходит на площадь Революции, отряд 1-го легиона, подбегая рысью, заграждает ему путь; начинаются переговоры, и народ, раздраженный провокационным поведением национальной гвардии, продвигается до моста Согласия, занятого во всю длину мобильными гвардейцами

Последние же сразу открывают проход народу и снимают штыки со своих ружей

Депутация проходит по Бурбонской улице до площади Бельшас. Народ следует за нею Дворец Национального собрания охраняется национальными гвардейцами под командованием генерала Куртэ, ими же заполнен двор со стороны площади Бельшас. Когда делегаты парода подходят, их останавливают у решеток; они настаивают, но их оттесняют, один из них получает даже вывих плеча. Народ заступает за своих уполномоченных, и большое число граждан перескакивает через решетки, чтобы проводить делегатов до дверей Национального собрания. В этот момент во дворе раздается ружейный выстрел; национальные гвардейцы поспешно заявляют, что выстрел этот случайный, но народ, опасаясь измены, тотчас же загромождает двор, и голова колонны, беспрестанно подталкиваемая следующими за нею массами, проникает по лестницам в зал Национального собрания и набивается до отказа в назначенные для публики трибуны. Генерал Куртэ поднимается на стену; он протестует против ущемления достоинства Национального собрания и умоляет народ разойтись. Народ не может на это согласиться. Генерал со своей стороны не может решиться приказать обстрелять эту компактную и безоружную толпу, — порыв человечности, который роялисты обозвали изменой и который чуть было не стоил ему жизни через несколько часов.

Толпа врывается в совещательный зал. Отряд национальной гвардии, охраняющий вход с этой стороны, хотя и полечил приказ скрестить штыки, но не только не исполняет этого приказа, а раздвигает свои ряды и пропускает толпу.

В это время Национальное собрание, заслушав интерпелляцию правительству по поводу оставления Италии и двусмысленный ответ министра иностранных дел, повторяющего, но без его красноречия, фразы Ламартина о мирной пропаганде, — Национальное собрание выслушивает с рассеянным и озабоченным видом аналогичные интерпелляции по поводу Польши. Но голос оратора прикрывается доносящимся извне и все разрастающимся гулом; все явственнее долетают восклицания: «Да здравствует Польша!»; вскоре такое восклицание раздается уже в самом зале. И в то же время знамена клубов показываются в захваченных толпою трибунах. Находящиеся там женщины издают крики ужаса, а затем одни граждане за другими, пробежав вдоль галлерей, начинают спускаться в ту часть зала, которая отведена народным представителям.

Многие депутаты, и среди них министр Кремье, начинают умолять Луи Блана воспользоваться своим влиянием, чтобы призвать народ к сдержанности.

Луи Блан решается отдать себя в распоряжение Национального собрания. Он поднимается к столу председателя и спрашивает

Бюшеза, что ему делать. Бюшез отвечает, что не может спросить указаний Национального собрания среди этого шума и гика.

– В таком случае, – отвечает Луи Блан, – разрешаете ли вы мне в качестве председателя выступить от имени Национального собрания?

Бюшез отвечает положительно в присутствии одного из товарищей председателя, Корбона. И тотчас же Луи Блан обращается к толпе; он призывает ее к спокойствию, к сдержанности, к уважению к своему собственному суверенитету, олицетворяемому собранием. Наконец, чтобы сдержать народ, если это еще возможно, в рамках самой строгой законности, он предлагает самому огласить петицию народа. Ему отвечают:

– Нет, для сохранения принципа нужно, чтобы петиция была зачитана одним из нас.

Между тем во дворе распространяется слух, что народ допущен в зал заседаний, и когда толпа начинает все более и более наступать, артиллеристы национальной гвардии раскрывают двери, прямо ведущие в зал. Делегаты клубов, Собрание, Бланки, Распайль и Гюбер вносятся народом до самой трибуны. Со всех сторон раздаются крики: «Да здравствует Польша! Да здравствует демократическая и социальная республика!» В зале, как и на трибунах, все люди из народа обнажают головы из уважения к народному представительству.

Шум разрастается с каждой минутой; многие депутаты покидают свои места, но нет никакой возможности выйти из зала. Председатель Бюшез покрывает свою голову, но через минуту снова обнажает ее и пытается заставить себя слушать. Барбес и Клемап Тома стараются наперерыв взобраться на трибуну. Наконец, воспользовавшись минутной тишиной, Распайль, по предложению Бюшеза, оглашает следующее воззвание:

«Граждане представители,

мы пришли сюда от имени трехсот тысяч человек, дожидаящихся за этими стенами. От их имени и от имени делегатов клубов мы представляем вам петицию следующего содержания:

Принимая во внимание,

- 1) что завоеванные нами свободы будут находиться в опасности, доколе в Европе останется хотя бы один угнетенный народ;
- 2) что каждый свободный народ обязан прибегать на помощь каждому угнетенному народу, ибо закон братства – не социальный закон, а закон человечности; ибо все народы являются между собою братьями в такой же мере, как и гражданами, как детьми единого бога на земле;
- 3) что если такова обязанность Франции по отношению к угнетенным народам, этот священный и незыблемый долг

является еще более повелительным по отношению к народам истребляемым;

4) что в момент, когда наша победа над развращающим правительством вызвала порыв к свободе среди всех народов Европы, наша эгоистическая и трусливая политика является поддержкой свободоубийственных стремлений объединенных королей и подрывает всякую надежду на помощь у народов, повсюду вооружавшихся для завоевания права быть свободными;

5) что народы подняли священное знамя восстания, лишь идя по нашим следам и рассчитывая на наше сотрудничество; что, побежденные, они имеют право обвинять нас в своем поражении; что победа их угнетателей является угрозой нашим общественным свободам и оскорблением провозглашенным нами принципам;

6) что Италия и Германия призывают нас поддержать их вооруженную борьбу; что эти страны и Польша, благородная, Польша, наша сестра, цепи которой выкованы были позорной политикой наших последних восемнадцати лет, требуют от нас во имя справедливости и признательности вернуть им их национальность;

7) что дальнейшее промедление было бы с нашей стороны позором и изменой, ибо Польша – наша союзница, наша сестра, наш товарищ по оружию, наш неизменный аванпост против народов севера;

8) что паша молодая армия, стыдясь своей бездеятельности, с нетерпением стремясь к благородным и священным победам, ждет лишь сигнала отечества, чтобы возобновить чудесные походы по Европе на завоевание свободы для всех; что имя Польши пробуждает ее самые пылкие симпатии, что она прекрасно сознает, что там она должна начать свое продвижение по Европе, потому что там господствует самое тяжкое угнетение и там мы должны проявить возмездие за нанесенные тягчайшие ущербы;

в виду всего сказанного и в интересах наших республиканских учреждений, во имя провидения народов и чести страны, народ единодушно требует от Национального собрания немедленно декретировать:

- 1) что интересы Польши будут слиты воедино с интересами Франции;
- 2) что восстановление польской национальности должно быть достигнуто либо мирными средствами, либо с оружием в руках;
- 3) что дивизия нашей доблестной армии будет держаться наготове, чтобы выступить немедленно после отклонения

ультиматума Франции. И это будет справедливо, и господь благословит успех нашего оружия».

Весь народ восклицает: «Да здравствует Польша! Пусть немедленно приступают к обсуждению!»

— Петиция представлена в президиум, — говорит председатель.

— Предлагаю вам дать Национальному собранию возможность свободно обсудить этот важный вопрос.

— Мы не хотим ждать! — отвечает народ. — Декрет! Декрет! Барбес поднимается на трибуну; его встречают аплодисментами.

— Граждане, — говорит он, — вы пришли сюда осуществить свое право петиции; это право вам отныне принадлежит и никогда не сможет оспариваться. Я требую, чтобы Национальное собрание приняло во внимание петицию народа, чтобы оно заявило, что присоединяется к его пожеланиям и что парижский народ заслужил признательность отечества. Но дабы нельзя было думать, что Национальное собрание принимает решения под давлением насилия, необходимо, чтобы вы тотчас же отсюда удалились.

Такими же словами Верньо некогда спас конвент. Если бы предложение Барбеса было поддержано депутатами, народ удалился бы с восклицаниями энтузиазма. Но оставшиеся в зале народные представители сидят на своих местах немыми и неподвижными. Это безразличие раздражает народ.

— Пусть приступают к обсуждению, — кричит он, — мы ждем ответа.

8

В этот момент заметили Бланки, стоявшего у трибуны, и многочисленные голоса потребовали, чтобы он взял слово.

— Во имя величия народа, — воскликнул один рабочий, — я требую молчания, слушайте гражданина Бланки.

Бланки, опираясь о плечи двух людей из народа, медленно стал ронять иронические и суровые слова, и голос его не заглушался стоявшим шумом, и лицо его попрежнему было бледно.

— Граждане народные представители, народ требует восстановления Польши в границах 1772 года; он требует, чтобы Национальное собрание без проволочек декретировало, что Франция вложит свою саблю в ножны лишь тогда, когда вся Польша будет восстановлена в своих старых границах 1772 года и снова засияет, как великая независимая нация, под солнцем Европы.

Граждане народные представители, народ требует, чтобы не прибегали ни к каким оттяжкам с целью отсрочки наступления дня, когда вся Польша снова станет на границах Европы союзницей и естественным щитом Франции.

Народ знает те преграды, которые стоят на пути французского оружия, но он рассчитывает, что Национальное собрание припомнит славу своего предшественника. Пусть оно не боится стать лицом к

лицу с враждебно настроенной Европой. Оно знает, что пред его волей, твердо выраженной и опирающейся на французскую армию на Рейне, все препятствия, какие дипломатия сможет ей противопоставить, рушатся сами собой, и прежняя Польша, Польша 1772 года, — народ настаивает на этой дате, — Польша 1772 года будет восстановлена в своих границах от Барты до Днепра, от Балтийского до Черного моря.

Граждане, народ рассчитывает, что Национальное собрание не будет колебаться пред лицом столь великой цели, что оно не даст себя ни обмануть, ни напугать угрозами дипломатии. Народ стоит за ним; по одному его знаку он массами двинется к границам...

Восклицания, которые оно здесь слышит и которые, быть может, кажутся ей угрозами, являются лишь криками: «Да здравствует Польша», — и они сменяются восклицаниями в честь Национального собрания, как только последнее произнесет сакраментальную фразу, которой народ ждет, — которой он ждет, граждане, и которую вы произнесете.

Все партии, — не забывайте этого, граждане, — согласны между собою в этом великом вопросе. К вам обращается сейчас не какая-нибудь партий и не отдельная фракция партии, а весь парод, народ, среди которого существуют, конечно, разногласия по внутренним вопросам, но который всегда единодушен по вопросу о Польше. В ваших рядах, граждане, как и в его рядах, не может быть разногласия на этой почве, и для объявления войны угнетателям Польши здесь не будет ни правой, ни левой, ни центра, — будет лишь единое французское собрание, у которого по такому вопросу есть лишь одна мысль, одна воля, одно желание.

Граждане, народ пришел сюда потребовать от вас справедливости. Он пришел потребовать правосудия по поводу жестоких событий, имевших место в городе, который в силу нынешней скорости сообщений находится у ворот столицы. Народ знает, что вместо того, чтобы перевязывать жестокие раны, нанесенные в этом городе, их, повидимому, как бы с охотой растравляют каждый день, и что ни умеренность, ни пощада, ни братство не последовали за бешенством первых дней, даже по истечении трех недель со времени этих кровавых столкновений. Он знает, что тюрьмы, неизменно наполнены его товарищами, и он требует, чтобы тюрьмы были очищены. Он требует, чтобы, если нужно кого-нибудь наказать, это не были бы жертвы избиений, а их виновники. Народ со всех сторон аплодирует с восклицаниями: «Правосудия! Правосудия!»

— Народ также требует, — продолжает Бланки, — чтобы вы подумали об его страданиях. Он говорил, что предоставляет на службу республике три месяца нищеты. Эти три месяца скоро

истекают, и возможно, даже вероятно, что от него потребуют еще других месяцев.

Народ требует от Национального собрания, чтобы оно настойчиво и без всяких проволочек, без перерывов, заботилось о восстановлении производства, о предоставлении работы и хлеба тысячам граждан, ныне их не имеющих.

Народ прекрасно знает, граждане, что ему ответят, что главной причиной отсутствия работы являются именно народные движения, которые расстраивают общественную жизнь и вызывают замешательство в торговле и промышленности. Разумеется, граждане, в этом, может быть, и есть некоторая правда. Но народ по инстинкту знает, что это не первичная причина, не главная причина тягостного положения, в котором он сейчас находится. Отсутствие работы и торговый кризис начались еще до Февральской революции; они возникали очень давно, они обуславливаются глубокими социальными причинами. Эти причины должны быть вскрыты в Национальном собрании. Народ с некоторою болью видел, что люди, которых он любил, систематически устранялись от работы правительства. Это подорвало его доверие.

Один из депутатов прерывает Бланки: «Вернитесь к Польше».

— Возвращаясь к Польше, — вопрос о работе и о народной нищете был поднят здесь лишь мимоходом. Я должен сказать, граждане, что народ пришел сюда не для того только, чтобы вы занимались его положением. Он пришел затем, чтобы вы занялись Польшей. Но он не мог упустить этот случай, не напомним своим представителям, что он также несчастен и что в этом лишняя черта сходства между французским и польским народом. Но, заговорив на минуту о себе, народ призывает все ваше внимание к Польше. Прежде чем удалиться, он требует, чтобы вы немедленно декретировали, что Франция вложит свою саблю в ножны лишь после того, как Польша будет восстановлена.

Эта речь была несколько раз прервана, единодушными аплодисментами. Каждый слушатель стал думать, подобно Бланки, о бедствиях народа, и к восклицаниям «Да здравствует Польша» уже присоединились крики: «Да здравствует организация труда!» В то же время, несмотря на усилия народных делегатов, толпа вливалась все более сплошными потоками в зал; особенно теснились вокруг трибуны и президиума. Несколько раз слышны были возгласы:

— Граждане! следите за президиумом. Там отдаются распоряжения, чтобы вызвать войска и здесь перерезать нас.

И действительно, в этот момент среди доносившегося извне шума можно было различить дробь сбора.

Тотчас же один артиллерийский капитан, находившийся в рядах народа, становится за креслом председателя, пытающегося

восстановить тишину своим колокольчиком. Наконец, на трибуне появляется Ледрю-Роллен.

— Граждане, — заявляет он, — я говорю здесь не как член исполнительной власти, ибо я не мог посоветоваться со своими товарищами. Я говорю в качестве гражданина, в качестве народного представителя. Вы выразили свои пожелания относительно Польши и свои пожелания по поводу народной нищеты. Будьте уверены, что чувства, обуревающие ваши сердца, обуревают также и наши и что точно так же, как и вы, мы не хотим угнетенных народов на земле. Вы потребовали принятия мер, чтобы народ мог жить, работая.

— Да, — восклицает кто-то, — мы требуем министерства труда, требуем осуществления декрета 25 февраля. Да здравствует Луи Блан!

— Вы требовали, наконец, — продолжает Ледрю-Роллен, — чтобы сегодня не били сбора.

— Вы, — кричат ему, — распорядились 16 апреля бить сбор! Вы уже измелили народу!

— Я обращаюсь, — возобновляет Ледрю-Роллен, — к здравому смыслу парижского народа, который не хочет быть обманутым, который желает гарантий, но который обладает чувством справедливости и благопристойности. Вы понимаете сами, что не может законодательное собрание работать посреди такого шума.

— 24 февраля вы отлично работали, — возражают ему из рядов народа, — голосуйте без обсуждения.

Ледрю-Роллен сходит с трибуны, видя, что его усилия столь же тщетны, как усилия Барбеса. Между тем Распайль, Собрание и другие делегаты клубов напрягала все свои силы, чтобы очистить зал.

— Я не признаю республиканцами тех, кто упорно остается в этом зале, — восклицает Распайль.

Губер подходит к председателю и затем возвращается и заявляет, что ему дали слово, что всему народу будет разрешено продефилировать мимо трибуны. Наконец, Барбес делает последние усилия добиться ухода народа, и вывести, насколько это возможно, Национальное собрание из его непонятного оцепенения.

— Граждане народные представители, — говорит он, — народ, собравшийся у ваших дверей, желает дефилировать перед вами. Я требую, чтобы вы ему это разрешили, и сверх того, чтобы показать ему, что вы присоединяетесь к его пожеланиям, чтобы мы, народные представители, спустились вниз сказать ему, что дело Польши есть наше дело и что Франция выступит всюду, где существуют угнетенные народы.

Быть может, Национальное собрание и сдалось бы на эти слова и сразу же завоевало бы огромную популярность, если бы Барбес не прибавил крайне неудачно, что для покрытия расходов по войне нужно будет обложить налогом богатых людей. Мысль об обложении

богатых показалась буржуазии и ее представителям чудовищной. Роялистские газеты приписали даже народу, после слов Барбеса, самые бешеные возгласы: «Нет, не то! Два часа грабежа! гильотину!» И даже правительство напечатало в своем «Moniteur» эту вздорную клевету на народ, уничтоживший эшафот и стоявший в лохмотьях на часах у особняков богачей.

Депутаты постепенно покидали зал; те, что оставались, продолжали хранить пассивную неподвижность, казавшуюся им выражением достоинства. Народ все ждал и, вопреки настояниям своих делегатов, отказывался удалиться до получения ответа. Наконец, Распайль обратился к толпившимся на трибуне:

— Последний раз, во имя республики, братства и свободы, умоляю вас удалиться; я больше не с вами, если вы не покинете зал.

С этими словами он вышел, не желая, больше поддерживать своим присутствием то, что он считал насилием над Национальным собранием.

За ним последовала небольшая группа, между тем как в зал и в трибуну вливались с каждой минутой все новые волны народа. Большинство из них сбегалось лишь из любопытства. Одна из трибун погнулась под тяжестью набившегося в ней народа. Жара стояла нестерпимая. Гюбер, давно уже, правда, больной и ослабленный долгим тюремным заключением, упал в обморок, продолжавшийся целые полчаса.

Возбуждение толпы было беспредельно. Ни одного покушения не было произведено на народных представителей, но если бы в это время явилась национальная гвардия, раздражение народа привело бы к роковой для членов Национального собрания борьбе. Можно было опасаться, что Куртэ распорядится бить сбор, и действительно, в этот момент стал явственно слышаться приближающийся гул барабана. Ужаснувшись возможных последствий борьбы, Барбес взбежал на трибуну.

— Зачем бьют сбор? — воскликнул он. — Кто распорядился бить сбор? Пусть тот, кто дал этот приказ, будет объявлен изменником отечества!

— Нам изменяют, — раздавались в то же время возгласы из рядов народа, — нас собирают здесь укокошить. Пусть распорядятся приостановить бой сбора!

И тотчас же председатель Бюез, по совету квестора Дегузе, пишет на нескольких листках приказ перестать бить сбор. Приказ, передаваемый из рук в руки, выносится из зала Шаррасом и Этьеном Драго, и спустя несколько времени перестает слышаться гул барабана. Народ успокаивается. Но в то время, как вожди клубов старались очистить зал, нужно было остановить теснившиеся извне новые толпы народа.

Пристава и служители каждую минуту подбегали к Луи Блану предупредить его, что огромная толпа теснится во дворе, выходящем на Бурбонскую улицу, и что эта толпа громко требует вызвать его, угрожая насильно ворваться в уже до отказа набитый зал. Луи Блан долго отказывается уступить этим требованиям, но затем, уступая просьбам некоторых своих коллег и поддержанный согласием председателя, он подходит к одному из выходящих на двор окон. Альбер и Барбес показываются вместе с ним. Им протягивают трехцветное знамя, Луи Блан схватывает его и пытается успокоить возбужденный народ, непрестанно возглашающий: «Да здравствует Луи Блан! Да здравствует организация труда!»

— Нельзя отвергать, — говорит Луи Блан, — законность пожеланий относительно более справедливого распределения продуктов труда, а также и относительно постепенного искоренения нищеты. Но интересы трудящихся, будьте в этом уверены, не будут забыты Национальным собранием. Незабываемой честью для республики будет то, что она без передышки будет работать на пользу осуществления права всех на счастье, и если бы было безумием слишком преувеличивать надежды на этот счет, это было бы, по крайней мере, одним из тех величественных безумий, которым позволительно посвятить свою жизнь. Точно так же, граждане, трогательно видеть, как народ, забывая свои собственные горести, воспламеняется заботами о страданиях дружественного народа. В этом виден благородный и космополитический гений Франции. Но чем больше заслуживают уважения ваши настроения, тем больше приличествует выражать их в законной и установленной форме. Заклинаю вас, граждане, дать возможность Национальному собранию свободно приступить к работе.

После этой речи Луи Блан собирался уйти и вернуться в зал к своим коллегам, но он был подхвачен многочисленной группой и понесен через большой коридор, также набитый народом. Там Ламартин еще раньше попытался произнести речь. Он приветствовал народ за его манифестацию, но не находил уже того красноречия, которым блистал в феврале. Когда же народ увидел Луи Блана, он потребовал от него речи. Принесли стул, окружили его и заставили говорить.

Он говорил о последствиях Февральской революции для политической будущности Европы, он напомнил, что умеренность и мудрость народа заставили весь мир восхищаться этой революцией и вскоре должны доставить ему победу над всеми королями, «ибо эта революция — сказал он в заключение — не из тех, которые расшатывают троны, а из тех, которые их опрокидывают», — слова, которые впоследствии были нагло извращены.

Толпа ответила Луи Блану возгласом: «Да здравствует всемирная республика!» и, несмотря на его сопротивление, с триумфом понесла

его до зала заседания. Роялисты Национального собрания, которые никогда не могли бы заслужить подобные овации, не могли ему простить, что он пользовался такими горячими симпатиями.

Наконец, вырвавшись из теснившейся вокруг него толпы, Луи Блан вернулся, падая от утомления, на скамьи Горы. К нему подошел один рабочий и сказал ему:

– Вы уже охрипли, но если бы вы написали на лоскутке бумаги, что в последний раз закликаете толпу удалиться, мне, может быть, удалось бы огласить его так громко, чтобы быть услышанным. – Луи Блан поспешно набрасывает на бумажке слова: «Во имя отечества, республиканского отечества, во имя суверенитета народа закликаю вас...» Но прежде чем он успевает закончить, Гюбер, пришедший в себя после обморока, появляется на трибуне и восклицает торжественным голосом:

– Граждане! Национальное собрание не желает дать ответа народу. И вот я, во имя народа, во имя народа, обманутого в своих ожиданиях, объявляю Национальное собрание распущенным.

Дефлот, флотский лейтенант, один из делегатов клубов, вскакивает на трибуну, отталкивает Гюбера и с силою кричит:

– Нет! Национальное собрание не распущено. Граждане, воскликнем: «Да здравствует Национальное собрание!» и разойдемся.

Но среди разразившегося рева нельзя было расслышать слова, следовавшие за заявлением Гюбера. Представители народа покинули свои места, и знамена клубов, перевязанные черным крепом, развернулись посреди залы. Дефлот подошел к Гюберу и сказал ему:

– Ты честный человек, но ты сейчас погубил свою страну.

9

Председатель поднялся и вышел; почти все депутаты, еще оставшиеся в зале, собирались последовать за ним.

– Не давайте им скрыться! – стали кричать со всех сторон. – Те, что увиливают от боя – изменники. Если их не будет с нами, нас придут расстреливать! Они отвечают за нас.

Однако депутаты прошмыгнули через разные выходы и скрылись в особняке председателя.

Между тем гул в зале дошел до неистовства. Барбес и Собрание, несмотря на их сопротивление, были подняты с триумфом. Внесено было предложение об образовании нового временного правительства; оглашено было несколько списков. А затем народ вышел из бурливого зала с возгласами: «В городскую ратушу!» Попытались потащить за собою Барбеса, он долго отказывался. Но его товарищи были в опасности, им нужен был вождь, и он считал себя обязанным разделить с ними опасность. Альбер тоже был увлечен народом в городскую ратушу.

Они пересекли один за другим мосты и набережные, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны выстроившихся в разных пунктах национальных гвардейцев. Точно так же национальные гвардейцы, занимавшие площадь городской ратуши, дали им свободно пройти. Но комендант Рей решительно отказался открыть решетку; народ перескочил через нее и проник в здание.

В это время там находился мэр Парижа, Арман Марраст, но он укрылся в отдаленном кабинете. Барбес, Альбер и сопровождавшая их группа устроились в одном из зал ратуши, в том самом, где заседало 24 февраля временное правительство. Не встретив нигде никакого сопротивления, они приняли все произошедшее как совершившийся факт и стали принимать меры к охране общественного порядка. Прежде всего нужно было составить временное правительство. Но предложенных и принятых народом граждан не было в наличии, и они даже! не ведали, что их именами распоряжаются в этот момент. Списки правительства разбрасывались по площади стоявшими в окнах людьми из народа.

Между тем национальные гвардейцы постепенно выходили из состояния оцепенения. Они увидели, что люди, которым они дали возможность завладеть городской ратушей, были безоружны. В то же время свежие батальоны, которым Марраст разослал приказы, показались на площади с возгласами: «Да здравствует Национальное собрание!» Вскоре городская ратуша была окружена со всех сторон, у всех выходов была поставлена охрана; некоторым депутатам удалось однако скрыться. Барбес и Альбер сдались безо всякого сопротивления. Они были схвачены и грубо потащены в тюрьму посреди бешеных криков национальных гвардейцев, и, несмотря на свою неприкосновенность в качестве представителей народа, они едва избежали опасности быть изрубленными или исколотыми непрерывно направлявшимися против них саблями и штыками.

Между тем после роспуска Национального собрания зал заседаний не был совершенно очищен. В него пробралась толпа любопытных и еще находилась там, когда министр финансов Дюклерк и два народных представителя ввели в зал отряд мобильных гвардейцев со штыками на перевес. Однако не произошло никакого столкновения; мобильная гвардия браталась с находившимися в зале. Несколько времени спустя пришли национальные гвардейцы, которые вместе с мобильными гвардейцами удалили из зала последние группы посторонних Национальному собранию лиц. Вслед за ними возвратились депутаты, скрывшиеся в особняке председателя, и вскоре Национальное собрание, не желавшее заседать в присутствии безоружного народа, не поколебалось возобновить заседание в присутствии вооруженных национальных гвардейцев.

В это время вошел в зал генерал Куртэ и попытался взять слово, чтобы объяснить свои действия. Но национальные гвардейцы тотчас

же стали бешено рычать: «Долой Куртэ! Долой изменника!» Его сталкивают со скамьи, на которую он взобрался, чтобы говорить, и набрасываются на него. Один вырывает у него саблю и разламывает ее, другой срывает с него эполеты и швыряет их ему в лицо; штыки протягиваются к его груди, и, несмотря на его чин генерала, его звание народного представителя и его седые волосы, он был бы убит пред лицом всего Национального собрания, если бы министр Флокон и несколько офицеров национальной гвардии не окружили его и не прикрыли своими телами; его увели, наклонив ему голову, чтобы укрыть ее от прикладов и штыков, которые национальные гвардейцы направляли на него. Два защищавших его офицера были ранены. Наконец удалось его увести в безопасное место.

Затем наступил черед Луи Блана. Вырвавшись из окружавшей его и желавшей его повести в городскую ратушу толпы, он поехал на извозчике домой. Но затем, узнав, что Национальное собрание возобновило заседание, он поспешил отправиться туда и занять свое место. Но в тот момент, когда он подходил собранию, он был признан национальными гвардейцами, накинувшимися на него с неопишным бешенством. Одни кричали: «Предать его суду!» другие: «Нужно его прикончить, так будет вернее!» Целыми клочьями вырывали у него волосы, платье его изодрали; некоторые пытались сзади приколоть его штыками; один, не зная, что делать, схватил его за руку и стал ее ломать.

К счастью генерал Дювивье, Ларошжаклен, некоторые депутаты и один делегат Люксембурга, поручик национальной гвардии, кинулись к нему на помощь. За ним гнались до самого зала заседания, в который он пробрался, едва прикрытый лохмотьями. Он поднялся на трибуну; его встретили бешеным рычанием.

— Граждане, — сказал он, — вашу свободу, ваше право и ваше достоинство прихожу я защищать в моем лице...

Ему отвечают взрывом ропота:

— К порядку! Вы оскорбляете собрание! Довольно! Сходите с трибуны.

— Я утверждаю, — продолжает Луи Блан, — что я решительно ничего не знал о том, что должно было произойти сегодня; утверждаю это своею честью.

— У вас ее нет, — кричат ему.

— Никогда ни опасение насилия, ни боязнь смерти не заставят меня скрывать то, что у меня на совести. Прямо скажу вам, рискуя навлечь на себя ваши нападки, что я не принадлежу к тем, которые одобряют поведение Национального собрания. Я глубоко сожалел о том, что вы внесли в свой регламент статью, ставящую народ под подозрение.

Раздаются резкие возгласы:

— Довольно, к порядку! Вы слишком позируете здесь! Вы говорите только о себе, — это непристойно! Вы зошли на трибуну, чтобы защищаться, — защищайтесь же!

— Я вижу по раздающимся восклицаниям, — говорит Луи Блан, — что я имею здесь много идейных противников.

— Похуже этого!

— Не думаю, чтобы могло быть хуже, ко мне не может быть ненависти.

— Нет, но презренье...

— Что касается меня, я не питаю никакой ненависти к тем, кто не разделяет моих взглядов.

— К вопросу!

— Перехожу к нему: клянусь всем, что для меня есть святого, что я решительно ничего не сделал для того, чтобы привести сюда народ, хотя я целиком разделяю то настроение, которое проявил здесь народ...

Взрыв возгласов «К порядку!» раздается в зале. Луи Блан продолжает:

— Я всегда руководился правом. Никто не может привести хотя бы одного моего слова, которое было бы призывом к насилию. Вчера я, как и все другие, слышал, что говорили об этой манифестации, и я сильно сожалел об этом и откровенно сказал свое мнение многим моим друзьям, и я рад случаю выступить в их защиту на этой трибуне, ибо если бы я этого не сделал, я был бы негодяем.

— Да вы им и являетесь.

— И среди этих друзей я назову Барбеса, — да, Барбеса! — прибавлю, что Альбер, с которым я виделся вчера, придерживался такого же мнения, как и я, относительно сегодняшней манифестации. Ничто в мире не помешает мне сказать то, что является правдой.

Луи Блана заставили сойти с трибуны. Оглашенным в печати письмом он предложил своим оскорбителям назвать свои имена. Письмо это осталось без ответа.

Это заседание, которое происходило, как без всякой иронии выразился Ламартин, под сенью штыков и на котором дробь барабанов приходила на помощь председательскому колокольчику, было как бы предвкушением осадного положения — режима слепого и зверского насилия, который Национальное собрание вскоре превратило в постоянный щит против народа. Прежде всего проголосовали, по предложению Ламартина, признательность отечества национальной гвардии, мобильной гвардии и армии; затем, когда Арман Марраст сообщил об аресте Барбеса и Альбера, собрание одобрило это поспешное нарушение их депутатской неприкосновенности, декретировав, на основании обвинительного

требования генеральных прокуроров Порталиса и Ландрена, их арест, точно так же, как и арест Куртэ.

Впоследствии было установлено, что Порталис и Ландрен на тайных переговорах под председательством Жюля Фавра в министерстве внутренних дел были самыми пылкими сторонниками низвержения Национального собрания.

Затем последовали всякие нападки на монтаньяров и на префектуру полиции. В это время многие депутаты, которым понадобилось гораздо больше времени, чтобы успокоиться, входили один за другим, и каждый из этих запоздавших желал проявить инициативу по вопросам, по которым уже состоялись голосования.

— Требую голосования признательности национальной гвардии и армии.

— Готово! Сделано!

— Требую предания суду Барбеса и Альбера.

— Проголосовано!

— Требую объявления Куртэ изменником отечеству.

Министр земледелия и торговли Флокон пытался утихомирить расходившиеся страсти. Несмотря на сдержанность его выступления, он был встречен весьма недружелюбно. Впрочем, само собрание сознавало, что не в состоянии заняться работою, и хотя оно заявило, что будет заседать непрерывно, заседание было закрыто в девять часов.

10

Национальному собранию официально сообщили, что Собрание было арестовано в захваченном им министерстве внутренних дел. Это была неправда, — Собрание было арестовано в одном доме на улице Бак, куда он отправился после роспуска собрания, и отведен в казарму на набережной Орсе. В то же время национальные гвардейцы кинулись в редакцию его газеты на улице Риволи. Ринулись в дом, сожгли и разорвали рукописи, изломали мебель, выпили вино, находившееся в подвале, поделили между собою деньги, посуду и ценные вещи. Все лица, находившиеся в доме, были схвачены и брошены в тюрьмы. Несколько дней спустя прислали обратно несколько приборов, убедившись, что они только посеребрены, и огласили в печати несколько документов, якобы найденных у Собрания.

Национальная гвардия также ворвалась без всякого ордера в квартиру Кабе и перевернула в ней все вверх дном. Кабе не участвовал в утренней манифестации; он обратился к Ламартину с протестом, оставшимся без ответа. Значительная сумма денег была уворована у повара и делегата Люксембурга, Флота, национальными гвардейцами, пришедшими его арестовать. Точно так же ринулись и разграбили дом сестры Бланки, проживавшей за городом. Сам Бланки, хотя официально и было сообщено об его

аресте, был взят лишь несколько дней спустя. Распайль был арестован вечером у себя на дому. Что касается Гюбера, которого по справедливости одного только и можно было обвинять в том, что впоследствии было названо ужасающим покушением 15 мая, то ему удалось укрыться от розысков.

Число арестов достигло приблизительно четырехсот. Множество граждан были арестованы лишь за свои республиканские убеждения, например, Пьер Леру. Главные обвиняемые были заключены в башне Венсенской крепости. Тюрьмы республики раскрылись для тех, что состарились в тюрьмах монархии. Судебные чиновники Луи-Филиппа снова преследовали республиканцев, которых они уже раньше осуждали и которые и не подумали предаться мести в день своей победы. По отношению к давнишним борцам за республику возобновили медленные пытки темниц Дуллана и Мон-Сен-Мишель. Узкая, холодная, сырая, грязная камера без воздуха и почти без света была жилищем, отведенным республиканским правительством людям, из которых один еще накануне был в его рядах и прикрывал своим именем его популярность. Хотя арестованные находились еще в предварительном заключении, они никогда не выпускались, на воздух, и одиночное заключение применялось к ним во всей своей жестокости. Но эти люди рождены были для того, чтобы приносить себя в жертву, и привычны были к мученичеству.

В ряде легионов национальной гвардии подписывалась петиция о восстановлении смертной казни по политическим делам; фанатические защитники порядка вызывались сами расправиться с Барбесом и Куртэ. Был раскрыт организованный офицерами заговор с целью расстрелять Барбеса... И посреди этих ужасов исполнительная власть организовала пышное празднество согласия и братства. Несмотря на нищету народа, израсходовали целый миллион на это празднество, на котором все почести воздавались, конечно, национальной гвардии. Последняя стала подлинным правительством в стране: все ее пожелания немедленно осуществлялись в голосованиях Национального собрания или в декретах Исполнительной комиссии.

На этих патриотических парадах национальная гвардия беспрестанно восклицала: «Долой клубы!» Это послужило поводом кровавого эпизода, завершившего день 15 мая. Национальные гвардейцы из Шарона, под предводительством помощника мэра, насильственно вторглись, как всегда без ордера и не дожидаясь прихода комиссара полиции, в зал в пассаже Мольера, который сняло Общество прав человека, но в котором оно еще не заседало, так как там производился необходимый ремонт. Ружейные выстрелы раздались во мраке у дверей одной комнаты, смежной с главным залом. Можно было думать, что члены клуба, пользуясь своим

правом, отвечали таким образом на насильственное ночное вторжение в их помещение. Но во всем помещении не нашли ни одного члена клуба, хотя у всех выходов была поставлена охрана; пришлось признать, что национальные гвардейцы обстреливали друг друга. То же недоразумение произошло в пассаже.

Нашли только одного человека, не принадлежавшего к национальной гвардии Шарона. Это был национальный гвардеец местного квартала, который по собственному рвению присоединился к ворвавшимся в клуб товарищам. Не будучи признан ни одним из них, он был схвачен как клубист и крамольник, опрокинут ударом штыка и продырявлен несколькими пулями.

На следующий день Национальное собрание декретировало пышные похороны национальных гвардейцев, якобы павших жертвами западни; оно послало делегатов на похороны и усыновило их семьи, за исключением несчастного, заплатившего жизнью за свое излишнее реакционное рвение. Ненависть к клубам не имела после этого никаких границ.

Исполнительная комиссия закрыла два клуба своей собственной властью — Центральное республиканское общество и Клуб друзей народа, которые она дерзко обозначила под названиями клуба Бланки и клуба Распайля. Предлогом закрытия она выставила то, что в этих клубах найдено было оружие, — утверждение заведомо ложное. Комиссия полагала, что она много сделала, но на следующий день без исключения клубов.

Исполнительная комиссия окружила Национальное собрание войсками, но сколько бы она ни выставляла пушек и штыков, все еще было мало. Во время паники 15 мая Национальное собрание призвало к себе на помощь всех национальных гвардейцев пригородов. Этот призыв к федерализму был услышан. Национальные гвардейцы стали сбегаться из самых отдаленных департаментов. По дороге они узнавали, что в Париже царствует полное спокойствие, — не беда, можно приехать за счет государства кричать «да здравствует Национальное собрание!» Но собрание все еще не было спокойно: кто-то предложил запретить останавливаться хотя бы небольшими группами на расстоянии тысячи пятисот метров вокруг Национального собрания; не допускалось исключения даже для прогуливавшихся в Тюильрийском саду. Исполнительная комиссия пыталась выслужиться грубой лестью. Она рассыпалась в похвалах великолепному поведению народных представителей в день 15 мая, «величественному сиянию вокруг особ депутатов, покрывающему своим блеском крамольную вакханалию, которую серьезная история даже не регистрирует».

Исполнительная комиссия вскоре поняла, что ее существование находится в опасности и что нужно защищаться. Она составила

доклад, в котором подробно перечислила все принятые ею 15 мая меры против вторжения в Национальное собрание и гнусно возложила всю ответственность за происшедшее на Коссидьера. Этот доклад заключал в себе лицемерную инсинуацию на монтаньяров, эту гвардию, «организованную для борьбы не с крамолью, конечно, а с порядком». Корпус монтаньяров был распущен и вместе с ним распущена была республиканская гвардия несмотря на формальное обещание, данное в ту же ночь Коссидьеру. Национальная гвардия послана была занять префектуру полиции, причем вела себя так, словно дело шло об осаждении крепости; даже выдвинуты были вперед пушки.

Хотя и больной, Коссидьер прибыл в Национальное собрание. Он отверг все направленные против него инсинуации. Он показал, что бездеятельность в день 15 мая, которой его попрекали, была вынужденная, что его оставили без всяких распоряжений, потому что не доверяли ему. Потом он напомнил об огромных трудностях, с которыми ему пришлось бороться, начиная с февраля, и об услугах, оказанных им благодаря преданности монтаньяров, которых теперь обвиняли. «Я организовал примирительную полицию, — казал он в заключение, — я организовал порядок на почве беспорядка. А теперь, — открыто заявляю это, — я весь на стороне народа, трудящегося и страдающего народа; душою я социалист и демократ. Вот мой символ веры. Если бы мне предстояло изменить свои принципы и свои взгляды, чтобы сохранить свои пост, я охотно подал бы в отставку». Искренность и энергия его заявления убедили значительную часть Национального собрания. Тем не менее, пред лицом подозрения, он счел необходимым уйти: он подал в отставку и в качестве народного представителя, и в качестве префекта полиции.

Исполнительная комиссия принесла в жертву Коссидьера. Надолго ли удастся ей продлить этой изменой свое существование? В некоторых газетах было сообщено об ее предстоящей отставке и о замещении ее Маррастом, Сенаром и Кавеньяком. Это был лишь пробный шар. В это же время на собрании депутатов в Национальном дворце было, по предложению Марраста, решено произвести расследование, с целью вызвать свержение Исполнительной комиссии. Чтобы использовать известную всем антипатию Национального собрания, решено было сперва напасть на Луи Блана; соучастие Ледрю-Роллена и даже Ламартина в событиях 15 мая должно было обнаружиться во время прений. Порталис и Ландрен составили обвинительный акт против Луи Блана. Комиссия, назначенная Национальным собранием для расследования этого вопроса, постановила большинством 15 голосов против 3 разрешить предание суду.

Доклад комиссии был составлен и оглашен на заседании Жюлем Фавром, которому нужно было снискать прощение за его пресловутые

циркуляры министерства внутренних дел. Он потребовал даже без рассмотрения существа обвинения выражения доверия комиссии, утверждая, что нельзя же предполагать, что Порталпо и Ландрен действовали под влиянием политической вражды. Пошли даже дальше: председатель предложил Национальному собранию присоединиться молчаливо и без всякого обсуждения к предложениям доклада. Это показалось слишком даже Национальному собранию, и прения все же завязались. Матье (из департамента Дромы), Лараби, Лоран (из департамента Ардеш) и Теодор Бак друг за другом выступили в защиту Луи Блана. Все клеветнические измышления обвинительного акта рассеялись одно за другим. Так, Луи Блана обвиняли в том, что он обращался с речами к народу, — сам председатель вынужден был признать, что Луи Блан обратился с речью к народу по его же предложению. Утверждали затем, что он поздравлял народ с тем, что он снова завоевал право петиции, между тем как Барбес в письме, написанном из башни Венсенской крепости, заявлял, что эти слова были сказаны им. Наконец, Марраст утверждал, что Луи Блан был 15 мая в городской ратуше; когда же от него потребовали доказательства, он заявил, что не мог разыскать человека, который ему это сообщил.

К тому же Луи Блан напомнил Национальному собранию, что для него опасно начать эру преследований, ибо это оружие рано или поздно обращается против тех, кто его пускает в ход. Национальное собрание еще не было достаточно уверено в своей силе, чтобы не испугаться подобного аргумента. Оно отвергло разрешение предания суду, но большинством лишь тридцати двух голосов. Это была только отсрочка.

Тематические материалы

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://narod.ru/disk/21935671000/1848_4.pdf.html

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49

годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

А.Герцен. С того берега

http://www.filosofy.vuzlib.net/book_o016.html

П.Анненков

Февраль и март 1848 года в Париже

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0050.shtml

Записки о революции 1848 года

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0070.shtml

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв.пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/tablim.pdf>

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л.Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М.Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М.Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля:

«Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции.

Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией.

Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк

Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха

Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#blanc>

Буше <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#buche>

Кабе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>

Бланки <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#blanqui>

и другие...